

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Мария Августовна Давыдова](#)
    -
    - [Глава I. Детство и первое путешествие](#)
    - [Глава II. Второе путешествие: Вена и Италия](#)
    - [Глава III. Мюнхен, Мангейм, Париж](#)
    - [Глава IV. Служба в Зальцбурге](#)
    - [Глава V. Жизнь в Вене](#)
    - [Глава VI. Музыкальная деятельность и творчество](#)
    - [Глава VII. Последнее путешествие, – «Реквием» и смерть](#)
    - [Источники](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Мария Августовна Давыдова Вольфганг Амадей Моцарт. Его жизнь и музыкальная деятельность

*Биографический очерк М. А. Давыдовой
С портретом Моцарта*

Глава I. Детство и первое путешествие

Происхождение. – Отец, его занятия и характер. – Мать. – Ее характер. – Набожность семьи. – Воспитание детей. – Характер маленького Моцарта. – Его сестра. – Первые проблески музыкальности. – Первое сочинение. – Игра на скрипке. – Необыкновенный слух Моцарта. – Его ученье. – Первое путешествие: Нассау и Вена. – Прием при дворе. – Скарлатина. – Париж: Гримм, Помпадур и прием в Версале. – Лондон: Манцуоли и Хр. Бах. – Болезнь отца. – Первая симфония. – Возвращение, первая оратория и дальнейшее образование.

Детский портрет В. А. Моцарта

«Маленький волшебник», которым любовалась и восхищалась вся Европа, Вольфганг Амадей Моцарт родился 27-го января 1756 года в бедной семье придворного органиста и капельмейстера города Зальцбурга, Леопольда Моцарта. Его отец, родом из Аугсбурга, происходил из семьи простых ремесленников-переплетчиков; в детстве своем он терпел большую нужду и тогда еще поставил себе целью добиться некоторого благосостояния.

В молодых годах он переселился в Зальцбург для изучения юриспруденции, но недостаток средств к жизни вынудил его поступить в услужение к графу Турну. Впоследствии, когда обстоятельства несколько изменились, он стал заниматься преподаванием музыки и вскоре настолько прославился как очень сведущий музыкант, отличный скрипач и органист, что получил место придворного органиста и капельмейстера. Леопольд Моцарт достиг своей цели: хотя жалованье полагалось крошечное и

требовалось много труда, но отец Моцарта не боялся его и был обеспечен, – вот все, чего он желал. Богатство же его заключалось в светлом уме, твердой воле, горячей вере, чем он и воспользовался с необыкновенным умением, чтобы из своего маленького Вольфганга воспитать великого Моцарта.

Его жена, Анна-Мария Пертль, уроженка Зальцбурга, отличалась необыкновенной красотой, и в дни молодости муж и жена считались самой красивой и счастливой парой в Зальцбурге. Непреклонный, несколько суровый нрав Леопольда смягчался веселостью и добродушием его жены – двумя драгоценными душевными свойствами, которые маленький Моцарт всецело унаследовал от матери. Кроткая, преданная, она благоговела перед своим мужем, во всем ему подчинялась и всю свою душу вложила в любовь к нему и детям. И муж, и жена были католики, отличались большою набожностью, соблюдали все посты, часто ходили в церковь и детям своим передали свою горячую веру и любовь к Творцу. Религиозность их была лишена всяких предрассудков, ханжества и темного суеверия: все ложное, невежественное было противно светлomu уму и честной душе Леопольда. Из семерых детей в живых остались только дочь Мария-Анна и сын Вольфганг, любимец и гордость матери. Насколько мать была склонна к баловству, настолько отец был строг и требователен. С раннего возраста занялся он воспитанием детей, приучая их к порядку и к неуклонному подчинению долгу. В то же время он исполнял роль няньки, укладывал Вольфганга спать, причем должен был непременно поставить его на стул и петь с ним песню, которую мальчик тут же сочинял на фантастические слова вроде: *oragnia fiaga tafa*. Затем Вольфганг целовал отца в кончик носа и обещал ему, что когда он вырастет большой, то посадит отца под стеклянный колпак, чтобы предохранить его от всего дурного, и будет постоянно держать его при себе в большом почете... Каждый вечер повторялась эта церемония, и только после нее мальчик спокойно засыпал. Так, под надзором горячо любящего и боготворимого отца, лелеемый ласками матери, рос будущий гений, и в его чистой художественной душе на всю жизнь отразился свет его счастливого детства.

До трех лет Вольфганг ничем не отличался от обыкновенных детей: это был живой и веселый ребенок, с чрезвычайно нежной и впечатлительной душой: он постоянно спрашивал, любят ли его, и начинал плакать, если даже в шутку получал отрицательный ответ; он плакал также, если его чересчур хвалили. Все свои игры он любил сопровождать музыкой, и пока в этом единственно выражалась его музыкальность.

Сестра его Наннерль, как называли ее в семье, обнаружила большие музыкальные способности, и когда ей минуло 7 лет, отец начал ее учить игре на клавесине. Первый урок, на котором присутствовал трехлетний Моцарт, произвел на него такое сильное впечатление, что совершенно его переродил. Невольно припоминаются слова нашего великого родного поэта:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепнется, —
Как пробудившийся орел.

Для Моцарта этот урок был божественным глаголом, который говорил о его назначении и указывал ему его путь на земле. С этих пор Моцарт забыл все свои прежние игры и всецело погрузился своей детской, но гениальной душой в музыку. По целым часам стоял он у клавесина, отыскивая разные созвучия, и хлопал в ладоши от радости, когда находил терцию или квинту. Отец попробовал показать ему маленький менуэт, и так как Вольфганг безошибочно его повторил, то отец решился начать с ним занятия музыкой. С первого же урока у Леопольда Моцарта, опытного педагога, не осталось более сомнений, что в его крошечном сыне скрывается великий гений и что ему предстоит трудная задача развить его. Будучи человеком глубоко религиозным, он взглянул на необыкновенный талант ребенка как на ниспосланное ему свыше чудо и приступил к его воспитанию с любовью и благоговением как к святому делу.

Отец боялся слишком рано знакомить Вольфганга с правилами сочинения, но это не помешало маленькому композитору написать свой первый концерт, когда ему было всего 4 года. Однажды отец застал его за целой кипой нотной бумаги, на которую дождем сыпались кляксы. Эти кляксы мальчик спокойно вытирал рукой и поверх них писал ноты. На вопрос отца: «Что ты пишешь?» — он уверенно отвечал: «Концерт для клавесина; первая часть уже почти готова». К этому заявлению отец отнесся, конечно, с недоверием и смехом, но когда заглянул в бумагу и разобрался в этой массе клякс и нот, то слезы умиления и восторга выступили у него на глазах: перед ним лежал неисполнимый по трудности, но совершенно правильно написанный концерт! Дом Леопольда Моцарта посещался местными музыкантами, которые приносили ему свои сочинения и часто их вместе исполняли. Так, однажды один из них принес

шесть своих новых трио. Сели их играть. Но не успели музыканты разместиться, как явился маленький Моцарт со своей собственной крошечной скрипкой, полученной им в подарок, и предложил свои услуги. Услуги эти были отвергнуты, так как Моцарт никогда не учился на скрипке. Оскорбленный музыкант залился горячими слезами. Чтобы утешить его, ему позволили сесть возле Шахтнера, его большого друга, и играть с ним вторую скрипку, «но так тихо, чтобы не было слышно».

Моцарт уселся. Шахтнер, как он сам рассказывает, заметив вскоре, что он лишний, перестал играть, а мальчик сыграл с листа все шесть трио. Тот же Шахтнер рассказывает, что у него была скрипка, которую Моцарт очень любил за ее мягкий, нежный тон. Шахтнер часто играл на ней у Моцартов. Однажды он пришел к ним и застал Вольфганга, занятого своей, только что полученной им скрипкой. «Как поживает ваша скрипка?»^[1] – спросил он, продолжая играть, и затем, прислушавшись, сказал: «А знаете, ваша скрипка на полчетверти тона ниже настроена, чем моя, если вы ее не перестроили с тех пор». Шахтнер посмеялся, но отец, зная необыкновенный слух своего сына, послал за скрипкой, и по проверке оказалось, что мальчик был прав.

Вольфганг с сестрой (слева) и их отец Леопольд Моцарт (справа)

Почти до десяти лет Моцарт чувствовал непреодолимое отвращение к звуку трубы. Даже самый вид ее вызывал в нем такой страх, как будто ему показывали дуло заряженного пистолета. Желая отучить сына от такого нервного страха, Леопольд Моцарт попросил своего друга, трубача Шахтнера, затрубить изо всей силы в присутствии мальчика. Но при

первых же звуках ребенок смертельно побледнел, стал опускаться на пол и, наверно, лишился бы чувств, если бы Шахтнер не прекратил этого испытания. С этих пор отец не пытался больше приучать сына к звукам трубы, и со временем его отвращение к этому инструменту прошло само собой.

Учение у маленького Моцарта шло очень успешно: всякому занятию, за которое он принимался, Моцарт предавался всей душой. Особенно нравилась ему математика; он испещрял мелом стены, скамьи, пол и мог решать в уме очень сложные математические задачи. Во время его музыкальных упражнений никто не смел подойти к нему с шуткой или даже просто заговорить с ним. Когда он сидел за фортепиано, лицо его делалось таким серьезным и сосредоточенным, что, глядя на этот преждевременно развившийся талант, многие опасались за его долговечность. В шесть лет он был настолько законченным артистом, что отец решился предпринять путешествие, чтобы показать и за границей искусство своих талантливых детей. Они отправились всей семьей, и сначала попытали счастья в Мюнхене, а затем, поощренные необыкновенным успехом, в 1762 году отправились в Вену. По дороге им пришлось остановиться в Нассау, где их пожелал слышать местный епископ, который за пять проведенных там дней, вместе с игрой, наградил их одним дукатом (3 руб.). Проезжая мимо одного монастыря, они зашли в него помолиться. Моцарт тем временем пробрался к органу и заиграл. Монахи, сидевшие с гостями за трапезой, услышав чудные звуки, побросали еду и гостей и в немом восторге столпились вокруг маленького виртуоза. На границе гениальный ребенок так очаровал таможенных чиновников своей игрой и своей детской прелестью, что их пропустили без осмотра. В Вене их встретили как желанных знакомых гостей, так как слава о необыкновенных детях дошла туда раньше их. Можно сказать, что Вена положила начало их триумфальному шествию по Европе. Тотчас по приезде они получили приглашение ко двору в простой, а не приемный день, чтобы можно было лучше ознакомиться с детьми. Император Иосиф был большой любитель музыки и отнесся к ребенку с живым интересом. Он подверг всестороннему испытанию талант и искусство мальчика, заставлял играть одним пальцем трудные пассажи, велел закрыть клавиши салфеткой, но Моцарт и поверх салфетки сыграл так же безукоризненно, как без нее, так что в конце концов император прозвал его «маленьким колдуном». Но в этом маленьком колдуне скрывалось высокомерие великого артиста; он не любил играть перед людьми, не понимающими музыки; если же просьбами или обманом удавалось его уговорить, то он

играл только пустые, незначительные вещи. И при дворе он остался верен себе: не соглашался играть ничего серьезного, пока наконец не позвали Вагензейля, одного из лучших композиторов и музыкантов того времени. «Теперь я сыграю вам концерт, – сказал он ему, – а вы мне перевертывайте страницы». С августейшими дамами Моцарт обошелся очень любезно: к императрице он забрался на колени и осыпал ее поцелуями; принцессе Марии Антуанетте, тогда его ровеснице, он обещал руку и сердце в благодарность за то, что она подняла его, когда он упал на гладком паркете. Двор отнесся к маленьким артистам чрезвычайно ласково; примеру его последовали все богатые, знатные жители Вены, и на Моцартов вместе с приглашениями посыпались деньги. Леопольд Моцарт остался доволен не только материальным и музыкальным успехом своих детей, но вообще приемом и почетом, с которым их везде встречали, а главное тем, что семейство его вращалось в таком изысканном, высоком обществе.

Скарлатина, которою заболели оба ребенка, положила конец чествованию маленьких артистов. По выздоровлении их все семейство Моцартов отправилось в дальнейший путь. Останавливаясь по дороге во всех более или менее значительных городах и возбуждая всюду восторг и удивление, они наконец прибыли в Париж в 1763 году, снабженные многочисленными рекомендательными письмами. Париж явился продолжением их триумфов в Вене. Здесь особенно теплое участие в них принял их соотечественник барон Гримм, уже давно переселившийся во Францию и бывший в то время секретарем герцога Орлеанского, вследствие чего он имел постоянный свободный доступ ко двору. Он сумел заинтересовать детьми королевскую семью, и их пригласили в Версаль.

Г-жа Помпадур тоже пожелала их видеть. Она с большим любопытством разглядывала маленького артиста и для этого даже поставила его на стол, но держала себя так чопорно, что уклонилась от его детского поцелуя. «Это кто такая, что не хочет меня поцеловать? ведь целовала же меня сама императрица!» – воскликнул в негодовании обиженный мальчик. В королевской семье он встретил больше теплоты; особенно ласково с ним обращались дочери короля. В Париже, как и в Вене, Моцарт выступал много раз публично как пианист, скрипач и органист, и своей игрой на всех трех инструментах возбуждал всеобщий восторг и изумление. Гримм пишет про него, что однажды ему пришлось аккомпанировать одной певице, не зная арии и не имея нот: вслушиваясь в мелодию, он угадывал последующие аккорды. Затем ария была повторена несколько раз, и каждый раз мальчик менял аккомпанемент. В то время Париж не отличался музыкальностью, даже не любил музыки, но парижане

носились с чудесными детьми как с модной и любопытной новинкой, осыпая их подарками и хвалебными стихами. Из Парижа все семейство направилось в Лондон. Король английский Георг III и супруга его София Шарлотта, большие любители и знатоки музыки, оказали маленьким артистам такой прием, который превзошел всякие ожидания. Сам король так полюбил Моцарта, что, встречаясь с ним на улице, высовывался из экипажа и посылал своему любимцу воздушные поцелуи. Призывая семейство Моцартов часто во дворец, король заставлял мальчика показывать себя со всех сторон: он должен был играть с листа, играть на органе, импровизировать, и получил прозвище «непобедимого Вольфганга». В Лондоне Моцарт познакомился с одним певцом итальянской оперы, Манцуоли, который, из симпатии к даровитому ребенку, научил его петь, и Моцарт своим тоненьким детским голоском распевал труднейшие арии с искусством, которому мог бы позавидовать иной певец. Его очень полюбил проживающий в Лондоне сын Себастьяна Баха – Христиан. Часто сажал он его к себе на колени и попеременно с маленьким виртуозом исполнял всевозможные пьесы: он играл несколько тактов, затем Моцарт продолжал, и так искусно, что можно было подумать, что играет один и тот же человек.

В Лондоне Моцарты дали много блестящих по успеху и сбору концертов, но их музыкальные триумфы были прерваны опасной болезнью отца: ему предписан был отдых, и музыку на время пришлось отложить. Тогда маленький композитор, воспользовавшись свободой, стал писать свои первые симфонии для оркестра. По выздоровлении отца они пробыли еще некоторое время в Англии, затем посетили Голландию, где им менее посчастливилось: сначала Наннерль, а за нею Вольфганг опасно заболели, и родители не чаяли уже видеть их здоровыми. К счастью, дети оправились, но Моцарту долго пришлось лежать в постели. Однако неутомимый композитор не мог оставаться долго в бездействии; он потребовал, чтобы ему положили на колени доску, и больной, слабыми, дрожащими ручонками продолжал писать свои симфонии. Давши несколько концертов в Голландии, Моцарты заехали еще раз в Париж, откуда вернулись в Зальцбург, пробыв в отсутствии около трех лет.

За это время Моцарт сделал громадные успехи и, как говорит его отец, в свои восемь лет знал больше, чем иной в сорок. Мальчик уже тосковал по родине, часто плакал в дороге, желая видеть своих покинутых друзей. Для развлечения он воображал себя царем фантастической страны; один знакомый нарисовал ему план его царства, Вольфганг дал название всем его частям и каждый день придумывал новые милости для своего народа, состоявшего исключительно из детей.

Леопольд Моцарт (отец В. А. Моцарта)

Моцарты вернулись на родину не только с европейской славой, но также с деньгами и с таким количеством подарков, что могли бы открыть лавочку. Все жители Зальцбурга считали долгом сделать им визит и взглянуть как на диковинку на своих прославившихся сограждан. Один знатный и надменный господин не знал, как ему обратиться к Вольфгангу: сказать ему «ты» было неудобно ввиду его славы, а «вы» казалось ему, важному господину, слишком почетным для мальчика. Поэтому он начал свою речь так: «„Мы“ были во Франции и Англии, „мы“ имели большой успех?» «Но, кажется мне, что вас-то я нигде не видел, кроме Зальцбурга», – перебил его мальчик. Слава Моцарта дошла до Зальцбургского архиепископа; чтобы проверить ее основательность, он велел запереть ребенка в своем замке на неделю, в продолжение которой мальчик должен был написать ораторию. Он исполнил эту задачу. В партитуре, богато украшенной кляксами и детскими каракулями, рукой отца написано по-латыни: «Оратория Вольфганга Моцарта, сочиненная в марте 1766 года, 10 лет». После того Вольфганг получил место скрипача при Зальцбургской

капелле с жалованьем 12 флоринов 30 крейцеров в год.

Год, проведенный в Зальцбурге, был посвящен всестороннему систематическому музыкальному образованию Вольфганга. Он между прочим занимался скрипкой, хотя и не так усердно, как фортепиано, но по словам своего строгого критика – отца, – мог бы быть лучшим скрипачом своего времени, если бы захотел. Однако этот прославленный и серьезный музыкант очень часто прерывал свои занятия, чтобы поиграть с любимой кошкой или прогалопировать по комнатам верхом на отцовской палке.

Глава II. Второе путешествие: Вена и Италия

Второе путешествие в Вену. – Неудачи и оспа. – Первая опера «La finta semplice». – Интриги музыкантов. – Планы нового путешествия. – Музыкальное значение Италии. – Успех путешествия. – Болонья. – Случай с Miserere Аллегри. – Орден золотой шпоры. – Опера «Митридат, царь Понтийский». Серенада и ее успех. – Юношеские годы в Зальцбурге. – Общество и его развлечения. – Архиепископ Иероним. – Сборы к путешествию в Париж. – Затруднения со стороны архиепископа. – Отъезд.

В. А. Моцарт

Предполагавшиеся празднования по случаю бракосочетания принцессы Иозефы с королем неаполитанским привлекли Моцартов через год снова в Вену (1767).

На этот раз Вена и венцы встретили своих гостей менее радушно: в городе свирепствовала оспа, жертвой которой пала сама принцесса Иозефа.

Праздники заменили трауром. Невозможно было ни попасть ко двору, ни давать концерты.

В довершение несчастья оба ребенка схватили ту же ужасную болезнь, и Моцарт был так сильно болен, что девять дней пролежал слепой. Им ничего не оставалось, как вернуться в Зальцбург. Но через год они снова отправились в Вену. Как только Мария Терезия узнала об их приезде, она призвала их к себе и с большим участием расспрашивала об их жизни. Император Иосиф предложил Моцарту написать оперу и выразил желание видеть его самого во главе оркестра. Моцарт никогда не отказывался от работы. Как только ему доставили первые страницы текста, он тотчас же принялся за музыку и вскоре ее окончил. Несмотря на юный возраст автора опера была написана смелой, опытной рукой и отличалась благородством и оригинальностью мелодий. Тем не менее она не была поставлена: против нее ополчился весь лагерь старых, завистливых музыкантов: лавры мальчика не давали им спать, и они не могли примириться с необходимостью играть под управлением двенадцатилетнего капельмейстера; они стали распространять дурные, ложные слухи не только об опере, но и о сочинениях Моцарта, говорили, что оперу написал отец, отца и сына называли спекулянтами, шарлатанами... Их злые языки работали так успешно, что испуганный антрепренер Аффлиджио отказался поставить оперу. Леопольд Моцарт вел деятельную борьбу против этой интриги, но ни его энергия, ни желание императора видеть эту оперу не помогло: к несчастью антрепренер имел по контракту исключительное право выбирать пьесы для своего репертуара, и первая опера Моцарта «*La finta semplice*» («Притворная простушка») не была им принята. Огорченные первой неудачей Моцарты вернулись в Зальцбург, но в предприимчивой голове Леопольда уже созрел план путешествия в Италию.

В это время Италия представляла собой главный музыкальный центр; она была наполнена музыкальными школами, академиями-консерваториями и давала последнюю оценку артистам: каждый серьезный музыкант считал своим долгом побывать в ней и услышать ее приговор, без чего он считался не вполне законченным. Поэтому туда стекались артисты со всех концов света; одни – за славой, другие – за падением. И Леопольд Моцарт считал нужным показать Италии своего гениального сына. Целый год был посвящен изучению итальянского языка, и как только все приготовления к путешествию были окончены, отец поспешил увезти Вольфганга в Италию. Путешествие предпринято было зимой, в декабре 1769 года, и совершилось благополучно, хотя у Моцарта потрескались руки, а лицо обветрило, как у любого солдата. Но горячий прием вскоре

отогрел маленького замерзшего музыканта: Италия встретила его не как ученика, а как знаменитого артиста. Всюду, где он появлялся, стечение народа было так велико, что два дюжих господина должны были расчищать ему путь к органу. Дамы присылали Вольфгангу букеты и восторженные стихи, певицы дрожали, когда им приходилось выступать перед ним, знатные вельможи присылали ему для прогулок свои экипажи с лакеями на запятках, и Леопольд Моцарт, сделавший себе и сыну нарядные шелковые костюмы, с гордостью возил своего артиста по городу. Филармоническая академия в Болонье избрала Моцарта своим членом. Чтобы получить это почетное звание, он должен был решить труднейшую контрапунктическую задачу. То, над чем другие долго трудились, и часто без успеха, Моцарту было так же легко, «как съесть кусок хлеба». Его заперли в отдельную комнату, но через полчаса он стал стучать в дверь. Думая, что мальчик шалит, не хотели отворить дверь, но он продолжал стучать, и его пришлось выпустить: оказалось, что Моцарт окончил свою задачу. Его приветствовали громом рукоплесканий. Про его необыкновенную память рассказывают следующее: во время страстной недели в Ватиканской церкви исполнялись Miserere^[2], которые запрещалось переписывать и продавать под страхом отлучения. Самое знаменитое было Miserere Аллегри, и Моцарт, прослушавши его раз в церкви, написал его дома на память. Весть об этом необыкновенном событии достигла самого папы, но вместо отлучения этот проступок доставил Моцарту еще большую славу: папа пожелал его видеть и пожаловал ему орден «Золотой шпоры», дающий в Италии права дворянства и свободный вход в папский дворец. Все эти почести не омрачили светлой души Моцарта; он оставался все тем же невинным веселым ребенком. Только в Милане, когда ему заказали оперу «Митридат, царь Понтийский», он на время оставил свои шалости, до которых был большой охотник и, погруженный в работу, стал задумчив, серьезен и писал с таким усердием, что у него заболели пальцы. Отец всячески старался развлечь его, не давать ему уставать; по его просьбе мать и сестра писали Моцарту веселые письма, но он в ответах просил об одном – молиться за успех его оперы. Постановка оперы обошлась не без интриг: многие, завидовавшие Моцарту, старались подорвать доверие к произведению юного автора, но все злые языки смолкли при первой же репетиции; опера под личным управлением Моцарта прошла с необыкновенным блеском, и успех ее возрастал с каждым представлением.

Через год по возвращении в Зальцбург Моцарту поручено было от имени Марии Терезии сочинить оркестровую серенаду с пением и хорами по случаю бракосочетания эрцгерцога Фердинанда с принцессой

Моденской. Торжество предполагалось праздновать в Милане, куда наши путники, едва успевшие вернуться, снова направились. Они поселились в комнате, где соседями их были два виолончелиста, гобоист и учитель пения, целый день дававший уроки. Такая обстановка не располагала к работе, но Моцарт не унывал: «Так веселее работать, – шутил он, – это дает идеи». Серенада мальчика совершенно затмила собой оперу другого композитора – Гассе, написанную к тому же торжеству. Эрцгерцог и эрцгерцогиня из ложи рукоплескали молодому автору и кричали: «Bravissimo maestrino!» В продолжение празднеств серенада была повторена несколько раз. Моцарт, кроме денег, получил золотые часы, осыпанные бриллиантами и украшенные портретом Марии Терезии. Пребывание в Италии немного дало денег Моцартам, но они приобрели симпатии итальянской публики, дружбу многих выдающихся людей и музыкантов, а главное – наш юный герой вернулся в Зальцбург, увенчанный итальянскими лаврами – в то время самыми драгоценными.

Последующие затем годы не представляют особого интереса в жизни Вольфганга. Время в Зальцбурге потекло в строго определенном порядке, среди серьезных разнообразных занятий: Моцарт давал уроки, играл в капелле, упражнялся на органе, скрипке и фортепиано. Так проходил его день; вечер посвящался отдыху, чтению и друзьям. Из ребенка Моцарт превратился в юношу и, хотя утратил миловидность детского возраста, но сохранил всю обаятельную прелесть своего нрава. Общительный, остроумный, он был всеобщим любимцем, ему открывались двери всех домов, и всюду, где он появлялся на вечеринках, на балах или маскарадах, до которых был большой охотник, – он становился душою общества. Рассказывают, как однажды, переодевшись сельским цирюльником, он забавлял всех пирующих на деревенской свадьбе. Моцарт сохранил свою любовь к шалостям и проказам и в этом отношении был истым зальцбуржцем, которые отличались необыкновенною любовью к развлечениям и обладали особым умением доставлять себе много удовольствия на маленькие средства. Зальцбург с его причудливыми, фантастическими постройками, расположенный среди живописной, роскошной природы, служил благоприятной обстановкой для младенческих лет Моцарта: красота местности отразилась на гармоническом строе его души, и он на всю жизнь сохранил страстную любовь к природе. Лучше всего сочинял он на открытом воздухе, среди зелени. Но Моцарт давно уже вышел из детского возраста; гений его, выросший вместе с ним, жаждавший проявиться во всей своей силе, не находил себе ни простора, ни пищи в Зальцбурге. Маленький

провинциальный городок, лишенный театра и других духовных интересов, не мог удовлетворить Моцарта ни строем своей жизни, ни своим обществом. Единственное и любимое развлечение зальцбуржцев состояло в стрельбе по цели. Каждое воскресенье они отправлялись за город и изготавливали новые раскрашенные мишени, на которых обыкновенно изображалось самое выдающееся событие в Зальцбурге за истекшую неделю. Так, одна молоденькая девушка имела несчастье упасть с лестницы в очень смешном положении; в следующее же воскресенье она красовалась на мишени и послужила целью не только для стрельбы, но также для острот, которыми зальцбуржцы любили сопровождать свою игру. Знакомые составляли между собой род кружка стрелков; у них даже существовала особая касса, взносы которой шли на доставление кружку всевозможных развлечений. В этих играх участвовали большие и малые, старики, женщины и дети; Моцарт, конечно, не отставал от других, предаваясь этой забаве всей душой; тем не менее пустота зальцбургской жизни томила его все сильнее, и по мере того, как зрел и развивался его гений, он своим душевным строем, своими взглядами, вкусами все более и более расходился с местным обществом: его гений не находил себе приюта ни среди аристократии, ни среди своих товарищей.

Зальцбургские аристократы, люди необразованные, никогда не выезжавшие за пределы своего города, отличались крайним невежеством и грубостью, соединенной с надменностью; тем большей ограниченностью интересов и познаний отличалось низшее сословие, к которому принадлежал Моцарт по происхождению. Товарищи его по искусству – музыканты – принадлежали к такому разряду людей, что Моцарт впоследствии не мог без отвращения о них вспомнить и, вырвавшись на свободу из их общества, писал отцу, что музыканты – главная причина, заставляющая его ненавидеть Зальцбург: «Ведь ни один порядочный человек не может с ними жить, их надо стыдиться». Моцарт, объехавший чуть не всю Европу еще в детстве, во время путешествий вращавшийся в самых высших и интеллигентных кружках всех европейских столиц, страшно тяготился окружавшей его средой, главными интересами которой были сплетни и интриги. Его высокий, чистый гений требовал другой обстановки и другой деятельности.

Положение Моцарта было пока очень незавидно: он оставался все тем же первым скрипачом в придворной капелле, состав которой был далеко не блестящий. Архиепископ Зальцбургский Иероним, человек крайне завистливый и черствый, питавший особенную неприязнь к Моцарту, не давал ему ходу, хотя отлично знал ему цену. Со своими подчиненными

Иероним обращался необыкновенно грубо, не терпел возражений и говорил им *он* вместо *ты*. Его внешность не располагала к себе: небольшой рост, болезненный вид, маленькие серые глаза, взгляд которых, казалось, пронизывал человека насквозь. Левый глаз был почти всегда закрыт. Он чувствовал почтение только к людям высокого роста и внушительного вида; ни тем, ни другим не обладал тщедушный Моцарт. Кроме того, Моцарт был зальцбуржец, что в глазах архиепископа составляло крупный недостаток: ведь зальцбуржцы противились восшествию его на престол; он помнил это и платил им ненавистью всю жизнь. В своей капелле он покровительствовал итальянцам, тем более, что в то время по всей Германии царило музыкальное владычество итальянцев: им давались лучшие места и большие оклады, тогда как на соотечественников, даже самых выдающихся, не обращалось никакого внимания. Моцарт нравственно задыхался в Зальцбурге и от души его ненавидел. Отец, отлично понимавший страстное желание сына вырваться отсюда, сознавал, что гений его заглохнет в таком мертвом царстве. Всю свою жизнь, энергию и труды Леопольд Моцарт посвятил одной цели: правильному развитию вверенного ему судьбой гения; самопожертвование его в этом отношении не имело границ, тем более в таком критическом положении он не остановился бы ни перед чем; он решился на самую тяжкую и горькую жертву – расстаться с сыном и отправить его за границу. Мало того, он решился расстаться со своей горячо любимой женой, с которой не разлучался ни разу во все время их счастливого супружества, и дать ее в спутницы молодому беспечному сыну. Добрая мать, не обладавшая ни таким светлым умом, ни такой твердой волей, как ее муж, не могла, конечно, заместить его при сыне, так же как не могла быть руководительницей его поступков; но Леопольд Моцарт верил, что присутствие уважаемой, любимой матери воздержит Вольфганга от опрометчивых и ложных шагов и охранит его душу от соблазнов, против которых так трудно бороться одинокому неопытному молодому человеку в чужих странах. Обоим путешественникам вменялась в обязанность крайняя бережливость: средства их были более чем ограничены; пришлось даже занять в долг, чтобы обставить их с должным комфортом. Все произведения Вольфганга были вновь начисто переписаны и переплетены в маленькие тетради для большего удобства; куплена хорошая дорожная карета, так как Моцарту подобало путешествовать не как бедному, неизвестному музыкантишке, а как уважаемому и знаменитому артисту. Когда все приготовления были окончены, Леопольд наткнулся на непредвиденное препятствие: архиепископ отказался дать Моцарту отпуск, говоря, что

нечего ему разъезжать по чужим странам и собирать милостыню. Тогда Леопольд решился на рискованный поступок и потребовал отставки сына, что, конечно, возбудило страшный гнев архиепископа, который угрожал лишить Леопольда его места при капелле; но Леопольд готов был все перенести для блага сына, и силы только тогда оставили его, когда двинулась карета, увозившая тех, кто ему был дороже всего на свете; в изнеможении упал он на стул, забыв в своем горе благословить их на дальний путь. Но тотчас же вспомнил, подбежал к окну и послал свои благословения вслед уезжающим. Наннерль заболела от слез и лежала весь день в постели; только к вечеру она оправилась и пришла развлечь своего осиротелого отца игрою в пикет. К счастью для семьи, архиепископ одумался, и Леопольд остался при капелле.

Глава III. Мюнхен, Мангейм, Париж

Цель нового путешествия. – Мюнхен. – Первая неудача. – Предложение друзей. – Мангейм. – Юношеские увлечения. – Граф Савиоли. – Интриги. – Первая любовь: Алоизия Вебер. – Письмо отца и отъезд. – Париж. – Состояние духа Моцарта. – Две музыкальные партии. – Мнение Моцарта о французской музыке. – Графиня Шабе. – Герцог де Гин. – Концерты. – 1-я симфония. – 2-я симфония, французская. – Болезнь и смерть матери.

Моцарт уехал, полный светлых надежд на счастливое будущее. Он не думал о том, что ему предстоит теперь бороться одному со всеми превратностями судьбы, что отца его не будет с ним. Как выпущенная на волю птичка, он радовался своей свободе, все находил прекрасным, от всего приходил в восторг. Кроме музыкальной, путешествие их имело и чисто материальную цель: в каждом более или менее значительном городе предполагалось давать концерты, сбор от которых назначался на покрытие путевых расходов, так как средств отца далеко не хватило бы даже на самое необходимое; кроме того, Моцарт надеялся выхлопотать себе хорошее место при какой-нибудь из придворных капелл. Он воображал, что слава его имени проложит ему прямой путь ко двору любого курфюрста, и заранее наслаждался мечтой создать национальную немецкую оперу, которая положила бы конец итальянскому владычеству. Но его ждал целый ряд разочарований. Приехав в Мюнхен, Моцарт тотчас же отправился к инспектору музыки, графу Зеау, который хотя и принял его приветливо, но, к удивлению молодого артиста, никогда не слышал о триумфах его первого путешествия. В подтверждение своих слов Моцарту пришлось показать все свои свидетельства и дипломы. Тогда граф приподнял свой ночной колпак в знак уважения и посоветовал Моцарту обратиться прямо к курфюрсту с просьбой дать ему место композитора при его капелле. Курфюрст уже слышал об отставке Моцарта и был недоволен таким непочтительным и своевольным поступком молодого человека; он и не подозревал, какой великий музыкант так скромно просит у него места, и посоветовал ему сначала попутешествовать и приобрести некоторую известность. Моцарту пришлось вторично уверять, что он был уже и во Франции, и в Италии, и в других странах, что имя его известно многим, так же, как и его талант. Но курфюрст не дал ему докончить речь и удалился, объявив коротко и ясно, что у него нет вакансии. Нашему Одиссею ничего более не оставалось, как

собраться в дальнейший путь. Мюнхенские друзья, ценившие его дарование и желавшие удержать его в своем городе, предложили собрать десять богатых любителей музыки, которые согласились бы выплачивать Моцарту по дукату в месяц, что составило бы 600 флоринов в год, за несколько музыкальных произведений. Простодушный и доверчивый Моцарт готов был принять это предложение, казавшееся ему очень выгодным, и с восторгом сообщил эти планы отцу, прося его совета и согласия. Но планы эти пришлись не по сердцу умному и дальновидному старику. Насколько сам он был скромен в своих требованиях, настолько честолобив по отношению к сыну. Такая зависимость от десяти лиц казалась ему положением мало заманчивым, да он еще и сомневался, найдутся ли эти благодетели, и считал унижительным для сына оставаться в Мюнхене без службы. Он советовал им ехать дальше, говоря, что «прекрасными фразами, похвалами и *bravissimo* не заплатишь ни за проезд, ни за квартиру». И вот наш странствующий музыкант с своей старушкой матерью переключались в Мангейм, этот «рай музыкантов», как его тогда называли. Театр и музыка процветали там под просвещенным покровительством курфюрста Карла Теодора, старавшегося привлечь к себе даровитых музыкантов большим жалованьем и заботой о том, чтобы они чувствовали себя у него хорошо и без стеснения. К удивлению Моцарта, и тут немногие его знали и сначала отнеслись с недоверием, которое им внушал его маленький рост и невзрачная наружность. Вскоре своим замечательным талантом, своим ласковым, веселым обращением он привлек к себе симпатии своих собратьев по искусству, и сам, попав в среду образованных и серьезных музыкантов, почувствовал себя, как рыба в воде. «Я пребываю в великолепном настроении духа и уже потолстел», – писал он отцу.

Его особенно полюбил капельмейстер Каннабих, в семье которого он был принят, как родной сын: он там обедал и часто проводил вечера за фортепиано, в дружеской беседе. Вечером, по привычке, приобретенной в родительском доме, Моцарт вынимал из кармана книгу и читал. Он занимался музыкой с симпатичной, миловидной Розой Каннабих, к которой чувствовал влечение. Спокойная и серьезная, эта тринадцатилетняя девушка-ребенок обнаруживала редкий для своего возраста здравый смысл и положительность суждений; обращение ее отличалось приветливостью и ласковостью, и всякий, кому приходилось встречать ее, поддавался ее обаянию. Один художник пишет про нее: «Сколько чудных, бесценных мгновений провел я в обществе прелестной Розы Каннабих! Воспоминание о ней останется светлым раем в моей душе». В жизни Моцарта она

промелькнула «как мимолетное виденье», и чувство его к ней не оставило глубоких следов. Моцарт увлекался часто и раньше, но история не сохранила нам имен покорительниц его юного сердца. Одна из них только известна нам: это его двоюродная сестра, с которой он познакомился в Аугсбурге во время своего путешествия. Свежая, бодрая, с несколько грубоватыми чертами лица, эта девушка дитя природы, представляет собой резкую противоположность рассудительной Розе. В ее присутствии Моцарт сам превращался в необузданного ребенка, и две недели, проведенные им у ее родных, прошли в непрерывных шалостях, дурачестве и болтовне. При расставании оба проливали такие потоки слез, что сцену их трогательного прощания не замедлили изобразить на мишени для стрельбы. Они обменялись портретами и вели некоторое время переписку, но письма Моцарта полны одних шуток, и чувство его к девушке было так же кратковременно, как их свидание: он уехал веселый, беспечный, и вскоре новая, более сильная страсть овладела его помыслами и сердцем. Но девушка не так скоро охладела к товарищу своих игр: за ее резвостью скрывалось более глубокое чувство, и впоследствии, когда она говорила о Моцарте, в ее словах звучала горечь разочарования. Она не любила вспоминать это время.

Как в Мюнхене, так и в Мангейме Моцарту невозможно было оставаться без определенного положения, а потому он не замедлил явиться к инспектору музыки, графу Савиоли, который представил его курфюрсту. Моцарт получил приглашение играть при дворе и был принят чрезвычайно любезно всей курфюрстской семьей. Сам курфюрст пригласил его преподавателем к своим побочным детям, которых очень любил. Поощренный такой любезностью, Моцарт попросил Савиоли выхлопотать ему место придворного композитора. Савиоли обещал. Моцарт, исполненный самых радужных надежд, каждый день бегал к графу в ожидании ответа. Но ответ не приходил: курфюрст был слишком занят то охотой, то придворными праздниками. Так, по крайней мере, объяснял Моцарту граф Савиоли. На самом же деле против него шла деятельная, хотя и скрытая интрига, в которой, как полагают, главную роль играл некий Фоглер, вице-капельмейстер: он ненавидел Моцарта за его гениальность, как и Моцарт его не выносил за его крайнюю бездарность при большом самомнении. Пока наш путешественник оставался в Мангейме на положении гостя и частного лица, музыканты относились к нему дружелюбно; но лишь только до них дошли слухи, что он хлопочет о месте при капелле, как в их сердце поднялась тревога, и они употребили все усилия, чтобы удалить дерзкого и опасного соперника. Интриганы убедили

легковерного курфюрста, что Моцарт «не более, чем шарлатан, изгнанный из Зальцбурга, потому что он ничего не знает, и что следовало бы отправить его поучиться в Неаполитанскую консерваторию», прежде чем давать ему какое-либо место. Граф Савиоли стал избегать Моцарта. Наконец ему удалось поймать графа, и вот через два месяца тщетных ожиданий он услышал ответ: «К сожалению – нет!» Бедному Моцарту пришлось покинуть Мангейм, чего ему очень и очень не хотелось, и он никак не мог решиться уехать. Магнит, приковывающий его к Мангейму, скрывался в пятнадцатилетней певице, красавице Алоизии Вебер, к которой Моцарт почувствовал первую страсть. Алоизия была дочерью переписчика нот Вебера, обремененного громадным семейством и терпевшего крайнюю нужду. Она обладала необыкновенно сильным красивым голосом и в шестнадцать лет обещала сделаться знаменитостью. Своим задушевным выразительным пением девушка трогала до слез. Восхищенный ее талантом, Моцарт прилагал все свои старания, чтобы больше усовершенствовать ее в ее искусстве. Он писал ей арии, заставляя ее разучивать их под своим руководством, давал ей уроки. Не сознавал ли он сам своего увлечения или не желал в нем признаться отцу, но в письмах своих он только восхищается ее пением, ничего не говоря о ее личности и тщательно скрывая от отца свои чувства. Между тем его продолжительное необъяснимое пребывание в Мангейме повергало старика в неописуемый страх и недоумение. Он смутно догадывался, в чем дело, но боялся затрагивать этот вопрос. Тогда старушка мать, воспользовавшись временем, когда Моцарт обедал, написала потихоньку отцу про своего блудного сына. Леопольд, не касаясь сердечной тайны сына, обратился к его рассудку: «От твоего благоразумия и от твоей жизни зависит – остаться ли посредственным музыкантом, которого забудет мир, или же сделаться знаменитым капельмейстером, имя которого сохранится в истории. Уезжай в Париж – и немедленно!» Моцарт опомнился. «После Бога – сейчас отец! это было моим девизом в детстве; при нем же я остаюсь и теперь», – писал он отцу. Как ни горько ему было, но, покорный воле отца, он подчинил свою страсть рассудку, простился со своими друзьями, со слезами его провожавшими, и уехал, обменявшись клятвами верности с его возлюбленной. «Нет пророка в своем отечестве», и гений Моцарта не нашел себе приюта на родине: он покинул Германию и поехал искать счастья за пределами своего негостеприимного фатерланда.

Конечной целью их путешествия был Париж. Отец полагал, что этот всемирный город отнесется к юноше-артисту так же радушно, как он отнесся когда-то к артисту-ребенку. На Париж возлагались самые большие

надежды. «Из Парижа слава и имя талантливого человека разносятся по всему свету; там аристократы обращаются с гениальными людьми с величайшим уважением и любезностью; у них прекрасные манеры, которые совершенно отличаются от грубости наших немецких кавалеров и дам, и там ты усовершенствуешься во французском языке», – так писал Леопольд своему сыну. Наши путники, пробыв в дороге четырнадцать дней, прибыли в Париж 23 марта 1778 года. За пятнадцать лет их отсутствия Париж во многом изменился, и, к особому огорчению матери, цены на все увеличились вдвое. Из экономии им пришлось взять скверную темную комнату в нижнем этаже, такую маленькую, что в ней не могло поместиться фортепиано. Моцарт чувствовал себя нехорошо и находился в раздраженном и угнетенном состоянии духа. Только что перенесенная им борьба чувства и долга, из которой он вышел победителем, обернулась теперь полным упадком сил. «Я чувствую себя довольно сносно, – пишет он отцу, – но мне ни тепло, ни холодно, ничто меня не радует; что меня больше всего поддерживает, ободряет, так это мысль, что вы, дорогой папа и дорогая сестра, здоровы, что я – честный немец, и что если я не могу всего высказать, то, по крайней мере, могу думать то, что хочу; но вот и все». Его состояние духа отразилось не только на содержании писем, но даже на самом почерке: он стал таким неразборчивым и небрежным, что отец счел нужным прислать ему красиво написанный алфавит. Бедный юноша грустил в разлуке с девушкой, которая своей красотой и талантом произвела такое сильное впечатление на его воображение; единственное утешение он находил в переписке с Веберами, посредством которой получал известия об Алоизии и о том, что она еще не нарушила своей клятвы верности.

Париж произвел на Моцарта неблагоприятное впечатление: он попал сюда как раз в разгар борьбы двух музыкальных партий: итальянской, представителем которой был Пиччини, и французской, во главе которой стоял Глюк. Моцарт сочувствовал, конечно, Глюку, которого, к несчастью, в то время не было в Париже; с Пиччини же он ограничивался самыми официальными отношениями, так как вообще недолюбливал итальянцев за их повсеместное музыкальное владычество. Весь музыкальный мир, публика, критика и пресса, – все это разделилось на два лагеря, но Моцарт не захотел примкнуть ни к одному из них: в музыке он, как всегда, желал остаться самостоятельным и независимым. Он находил французов народом немusикальным и несведущим в музыке, очень дурно отзывался об их вкусе, особенно об их исполнителях, придавал очень мало веса их суждению и оценке. «Что меня больше всего сердит, это то, что французы

настолько лишь развили свой вкус, что могут теперь слушать и хорошее; но чтобы они сознали, что их музыка дурна – Боже сохрани! А их пение – „оймэ!“ и если бы еще они не пели итальянских арий, я бы простил им их французское завывание, но портить хорошую музыку – это невыносимо!» Моцарт чувствовал себя не в своей тарелке среди французов и писал отцу: «Я буду благодарить Создателя, если выберусь отсюда со здоровым вкусом. Но я – здесь, и должен пока терпеть из любви к вам. Каждый день молю Бога, чтоб Он помог мне сделать честь себе и всему немецкому народу, составить свое счастье, честно заработать деньги, чтобы я был в состоянии вывести вас из затруднительного положения, чтобы мы скоро свиделись и опять весело и счастливо зажили бы вместе!»

Ему нужно было устроиться в Париже, найти уроки, занятия, составить знакомства. Как в первое свое пребывание, так и теперь он нашел себе главную поддержку в лице своего друга и покровителя, барона Гримма. Гримм хотя и принадлежал сам к одной из партий, но как человек умный и беспристрастный, помогал своему молодому другу везде, где мог. В Версаль, где в то время жил двор, Моцарту не удалось попасть, но вместо этого Гримм старался ввести его в знатные, богатые дома и дал ему письмо к графине Шабо. К несчастью, выбор барона оказался очень неудачным: графиня выказала себя с очень непривлекательной стороны. Когда Моцарт в назначенный день явился к ней, его заставили как несчастного просителя ждать полчаса в громадной нетопленной комнате. Наконец вышла графиня и предложила ему сыграть на отвратительном клавесине, заявив, что другие ее инструменты в неисправности. Скромный Моцарт отвечал, что он с удовольствием исполнит ее желание, но просит графиню провести его в более теплую комнату, так как у него окоченели руки от холода. «О да, вы правы!» – ответила хозяйка и, предоставив Моцарта самому себе, уселась с гостями за большой круглый стол и принялась рисовать, не обращая ни малейшего внимания на бедного музыканта, который сидел один, вдали от всех, ежась от холода; окна и двери были открыты, все тело его пробирала дрожь, зубы стучали, как в лихорадке, голова начинала болеть, но он не решался уйти, боясь обидеть Гримма. Так прошел целый час; наконец, чтобы выйти из этого ужасного положения, Моцарт сел за несчастный клавесин и сыграл вариации: его слушатели продолжали рисовать и болтать между собой, так что Моцарт играл «для столов, стульев и стен». Сыграв половину вариаций, он встал и хотел покинуть негостеприимный дом, но хозяйка попросила его подождать возвращения ее супруга. Моцарту пришлось ждать еще с полчаса, пока не явился хозяин дома. Он отнесся к своему гостю иначе, выслушал его внимательно, и благодарный

незловбивый Вольфганг, забыв все неприятности, холод и дурной инструмент, стал играть «так, как я играю, когда бываю в духе». Но кажется, это знакомство не принесло большой пользы Моцарту, как и вообще на этот раз в Париже ему не везло, тем более, что он не умел извлекать выгоды из своего положения и из своих знакомств. Так, Гримм доставил ему уроки у герцога де Гин. Сам герцог играл на флейте, дочь же его играла отлично на арфе (для них Моцарт написал свой концерт для флейты и арфы, хотя и недолго любил этих инструментов). С m-lle Гин Моцарт занимался теорией; ученица его обладала исключительной памятью и была достаточно даровита, судя по тому, что уже на третий урок она написала трехголосные задачи. Отец не желал сделать из своей дочери какой-нибудь серьезной композиторши, но хотел, чтобы она познакомилась с основными правилами сочинения и была бы в состоянии писать маленькие вещи для обоих инструментов. Однако Моцарт оказался слишком требовательным учителем; он наивно воображал, что музыка должна даваться другим так же легко, как и ему, и выходил из себя из-за того, что его ученица на четвертый урок не может написать менуэт: он решил, что у нее нет идей, что она глупа, бездарна и бестолкова. В конце концов ему отказали, заплатив за труды три луидора, которые он с негодованием отверг.

Педагогическая деятельность не удалась Моцарту, тем более, что она в Париже соединялась и с большими чисто внешними затруднениями; расстояния были громадные, немощные улицы покрыты были непроходимой грязью, извозчики стоили так дорого, что на них пришлось бы потратить больше того, что он получал за уроки. Ходьба же пешком отняла бы слишком много времени и сил, и немногие свободные часы пришлось бы посвятить не своему любимому искусству, а необходимому отдыху. Эти же причины, при стесненных денежных обстоятельствах, мешали ему поддерживать знакомства и связи. Чем больше он жил в Париже, тем меньше Париж ему нравился. Единственную его отраду составляли друзья: Гримм и знаменитый, хотя уже старый певец – Рааф, да еще некоторые из его мангеймских товарищей, приглашенных участвовать в так называемых *Concerts spirituels* – концертах, сходных с нашими симфоническими. Через мангеймских артистов директор концертов, Легро, заказал Моцарту приписать 4 новых хора к *Miserere* Гольцбауера, которые предполагалось в скором времени исполнить. Эту крайне спешную работу Моцарту пришлось сочинять в кабинете директора, что было очень стеснительно. Но никакие препятствия не могли сдержать его творческой силы: хоры успели вовремя и вышли превосходными. К сожалению,

Моцарт трудился напрасно: два лучших хора в концерте были выпущены неизвестно по какой причине. Вероятно, в этом поступке скрывался дурной умысел, но Моцарт не особенно огорчился: сама вещь не имела успеха, и никто не знал, что хоры принадлежат перу другого автора. Сердиться же он не умел и тотчас снова принял предложение того же самого директора написать симфонию для одного из концертов. Неудача с хорами не сделала его ни менее доверчивым, ни более осторожным; он принялся за работу со свойственным ему жаром, окончил ее необыкновенно скоро и сдал директору. Оставалось четыре дня для переписки. Но на другой день Моцарт нашел ее непереписанной на столе директора; он удивился, но промолчал. Через два дня он снова зашел – симфония со стола исчезла. Моцарт, почуяв недоброе, стал искать в комнате и нашел ее в углу, под кипой старых нот. Притворившись, что ничего не подозревает, он спрашивает Легро, отдана ли его симфония для переписки. «Нет, я забыл», – вот единственное объяснение, которое он получил, и симфония не была исполнена. Моцарт предполагал, что здесь скрывалась интрига, главным участником которой он считал итальянца Камбини. Он писал отцу: «Если бы здесь у людей были уши, чтобы слышать, сердце, чтобы чувствовать, и хоть какое-нибудь понятие о музыке – я бы над всем случившимся посмеялся, но я окружен скотами и тварями (что касается музыки)». Он перестал бывать у Легро, но впоследствии имел одно большое удовлетворение: у Раафа он случайно встретил директора, который извинился в своем дурном поступке и попросил его написать новую симфонию. Моцарт не умел питать к своим врагам ни вражды, ни злобы; он принял предложение и написал симфонию, которая так и называется французской или парижской. Зала, в которой исполнялась в первый раз эта симфония, была названа впоследствии в честь Моцарта залой «Pas de loup» – «Волчий шаг», что представляет перевод слова Wolfgang (Вольфганг). На репетиции эту симфонию сыграли так скверно, что Моцарт «в жизнь свою никогда ничего хуже не слыхал». Он даже не хотел присутствовать на концерте, боясь, что пьеса будет так же дурно исполнена, но потом решился пойти, с твердым намерением выхватить в крайнем случае скрипку у первого скрипача, стать во главе оркестра и спасти свое погибающее детище. Но на этот раз он боялся напрасно: симфония прошла блестяще, имела громадный успех, и обрадованный автор побежал после концерта в Пале-Рояль, угостил себя мороженым, прочел по четкам молитву, как обещал, и, счастливый, вернулся домой. Этой симфонией и ограничились его успехи в Париже. Ко всем же неудачам присоединился последний и жестокий удар – потеря горячо любимой матери. Старушке плохо жилось в

Париже, где она проводила целые дни одна в своей каморке, как в одиночном заключении. Продолжительные путешествия, тяжелые условия их жизни, утомление надломили ее силы, и она слегла. Четырнадцать дней и ночей провел Моцарт у постели матери, моля Бога только об одном: чтобы Он послал ей тихую кончину, а ему бы дал силы перенести удар с покорностью и мужеством христианина. «Бог щедро даровал мне обе эти милости», – писал он, и после смерти матери его первая забота была об отце и сестре. Он весь трепетал при мысли, что этот удар может повлечь за собою смерть других любимых ему существ, и просил своего зальцбургского друга Буллингера приготовить отца к печальному известию, причем писал ему, что мать почти безнадежна, что он сам готов ко всему и во всем видит волю Божию. Когда же Моцарт получил ответ отца и увидел, что отец принял удар с твердостью и смирением, то упал на колени и благодарил Бога за эту новую милость.

Глава IV. Служба в Зальцбурге

Вторичная служба в Зальцбурге. – Обратное путешествие. – Свидание с Алоизией. – Пребывание в Мюнхене и возвращение в Зальцбург. – Опера «Идоменео». Ее успех. – Поездка в Вену. – Положение музыкантов у архиепископа. – Вечер у князя Голицына. – Ссора с архиепископом. – Отставка.

После смерти матери осиротелый Моцарт почувствовал себя еще более одиноким в Париже, да отец его и не желал, чтобы он оставался там без материнского надзора. Леопольд Моцарт теперь ясно видел, что Париж не оправдал возложенных на него надежд, и потому, как только в Зальцбурге освободилось место придворного органиста, он выхлопотал это место своему сыну и написал ему, чтобы тот немедленно выезжал. В октябре 1778 года Моцарт оставил Париж без сожаления, но с отвращением думая о ненавистном ему Зальцбурге. Он писал отцу, что принимает эту должность единственно из любви к нему и радуется только тому, что будет жить вместе с дорогими ему отцом и сестрой. Ничто другое не влекло его туда: жизнь в Зальцбурге после свободной, независимой, хотя и тяжелой жизни в Париже казалась ему настоящим рабством; поэтому он несколько не торопился к месту своего назначения. Оставшись на несколько дней в Страсбурге, Моцарт по просьбе друзей дал там два концерта, причем оба раза играл в пустой и вследствие того холодной зале; первый концерт дал прибыли 3 луидора, второй – всего один. Но Моцарт менее всего думал о деньгах; его радовало то, что на его концерт собрался весь цвет страсбургского музыкального мира, и раздавались такие восторженные и громкие аплодисменты, как будто зала была битком набита. Моцарт увлекся и сверх программы играл так много, что хватило бы на целый концерт.

Из Страсбурга он поехал в дорогой его сердцу Мангейм, сгорая нетерпением увидеть любимую девушку и осуществить так долго и тайно лелеемую мечту – сделать ее своей женой. Но Алоизия уже покинула Мангейм: курфюрст Карл Теодор, наследовав курфюрсту Баварскому, переехал в Мюнхен и перевел туда свой двор и капеллу; Алоизия, тогда уже придворная певица, переселилась вместе с остальными музыкантами. Верный поклонник последовал за ней и повез ей новую дань своей любви – чудную арию. Но тут ко всем ранам его души присоединилось разочарование в первой любви: Алоизия ему изменила! Первоклассная

певица, блестящая красавица, окруженная толпой поклонников, девушка довольно неглубокая и пустая, она забыла своего скромного, далекого друга, и только впоследствии поняла, какого великого гения она в нем потеряла. Теперь же, когда в комнату вошел в странном костюме – в красном кафтане с черными пуговицами в знак траура – бледный и изнуренный юноша, которого горе, конечно, не могло украсить, то Алоизия его не узнала. Моцарт сразу понял, что он забыт; в нем проснулась гордость, и чтобы не показать ей, как ему больно, он прямо подошел к фортепиано и пропел: «Я с удовольствием оставляю девушку, которая меня не хочет».

Так кончилась его первая любовь. После того он долго еще оставался в Мюнхене, в надежде, что его друзья найдут ему какое-нибудь занятие или место при капелле, что даст ему возможность избежать службы в Зальцбурге. Леопольда между тем страшно беспокоило промедление Моцарта, и он писал ему письмо за письмом, требуя его скорейшего приезда. Непривычно суровый тон этих писем так огорчал сына, что он по целым часам плакал. Его друг Бэкэ пишет о нем отцу: «В продолжение часа я не мог остановить его слез. У него золотое сердце. Никогда я не встречал сына, который бы питал большую любовь к своему отцу, чем он. Его сердце так чисто, так невинно, и если он так откровенен со мной, то тем более – с своим отцом. Нужно поговорить с ним лично, и всякий тогда отдаст ему должное, как наилучшему характеру, как честнейшему и искреннейшему человеку».

Наконец, когда никакой надежды на получение места не осталось, Моцарт уступил требованиям старика и вернулся в Зальцбург, где его встретили с распростертыми объятиями: кухарка наготовила ему любимых кушаний, отец убрал его комнату, поставил новый шкаф, новое фортепиано, знакомые наперебой предлагали ему своих лошадей и экипажи. Но Моцарт оставался грустным: его музыкальные мечты не осуществились, он потерял мать и обманулся в любимой девушке; он не поддавался малодушию, но чувство его еще не заглохло, и разочарование и горе тяжелым гнетом легли на его душу: обыкновенно такой деятельный, неутомимый, великий композитор теперь неохотно садился за работу, потому что «на душе у него невесело». Из этого унылого состояния духа его вывел наконец курфюрст Карл Теодор, заказавший ему оперу «Идоменео, царь Критский». Моцарт воспрянул духом, работа закипела, и он, по обычаю того времени, поехал кончать оперу на место ее первого представления, в Мюнхен. Музыка оперы приводила всех в восторг; и артисты, и оркестр прилагали все свое старание, чтобы угодить

знаменитому автору; репетиции шли великолепно; наконец последняя и самая блестящая произошла в зале дворца, в присутствии курфюрста, который выразил Моцарту свое удовольствие и удивление, сказав, что трудно представить, что в такой маленькой голове скрывается «нечто столь великое». Моцарт ликовал и с восторгом писал отцу о своих успехах. Слава о его новом произведении дошла и до Зальцбурга; многие из его друзей приехали в Мюнхен на первое представление. Не вытерпел и старик отец: не рассчитывая на позволение архиепископа, он дождался его отъезда в Вену и, забравши Наннерль, приехал к сыну, чтобы присутствовать при его триумфе. Этот день старик мог считать счастливейшим в своей жизни, достойной наградой за долгие годы самоотвержения и труда, с которыми он старался исполнить трудную задачу образования и развития гения своего сына: представление доказало ему, что цель его достигнута. После отъезда отца Моцарт еще долго оставался в Мюнхене: проработав без усталости над оперой, он отдыхал в кругу друзей, запасаясь бодростью и весельем, прежде чем вернуться в кабалу зальцбургской службы. Но архиепископ, гостивший в то время в Вене, внезапно вызвал Моцарта к себе. Желая блеснуть при венском дворе пышностью своей обстановки и своей капеллой, архиепископ выписал туда своих лучших музыкантов. Моцарт обрадовался случаю познакомить Вену со своим, теперь уже созревшим, талантом, но он позабыл некоторые свойства души своего владыки: его скряжничество, черствость и грубость – качества, которыми тот не замедлил блеснуть еще более чем пышностью своего двора.

«Я прибыл сюда шестнадцатого, слава Богу, совершенно один, в почтовой карете, в 9 часов утра, – писал Моцарт отцу. – Первым делом я отправился к архиепископу. У меня прекрасная комната в одном месте с ним. В 12 часов, к сожалению, для меня несколько рано, мы идем обедать. За стол садятся два камер-лакея, контролер, кондитер, два повара, Чекарелли, Брунетти и моя милость. Оба камер-лакея садятся на главные места, мне, по крайней мере, предоставлена честь сидеть до поваров. Тут мне кажется, что я в Зальцбурге. За столом развлекаются грубыми шутками; ко мне никто не обращается, потому что я все время молчу, а если говорю, то всегда с величайшей серьезностью, и тотчас после обеда ухожу к себе».

Из этого письма видно, что архиепископ ставил своих музыкантов на одну ступень с лакеями. Он смотрел на них как на своих рабов и, пользуясь их временем и искусством для своей личной выгоды, не только ничем не вознаграждал их, но даже лишал возможности концертом или игрою в частных домах пополнить несколько свои доходы. Бедные музыканты

проживали свои последние гроши во славу своего повелителя. Моцарт справедливо называет архиепископа зонтиком, заслоняющим его от мира. Он не смел выступить публично иначе, как в доме архиепископа или с его разрешения, которого никогда не получал. Ему пришлось отказаться от своего концерта, которого желала вся венская публика, а также от блестящего вечера у графини Тун, где присутствовал сам император. Моцарт с негодованием пишет отцу об отношении к нему архиепископа. Великий музыкант, чествуемый и признаваемый всеми, кроме того, кому он служил, не мог примириться с положением раба. Во время музыкальных собраний музыкантам предназначался самый отдаленный угол комнаты, где они сидели отдельно от остального общества. Подобное обращение оскорбляло его достоинство как человека и как музыканта, тем более, что он представлял своей игрой и личностью главный интерес этих вечеров. Он сам рассказывает в письме к отцу, как он отнесся к распоряжению своего владыки.

«В день, когда мы должны были идти к князю Голицыну, Брунетти с своей обычной вежливостью обратился ко мне: „Будь здесь в семь часов, чтобы идти вместе с нами к князю Голицыну; нас проводит Ангербауер (лейб-камердинер)“. Я ответил: „Хорошо; но в случае, если мне нельзя будет прийти ровно в семь, ступайте без меня, не надо меня ждать; я знаю, где ты будешь, и найду тебя“.»

«Я ушел нарочно один, так как стыжусь показываться где-либо вместе с ними; когда я вошел, то Ангербауер уже был там и говорил лакею, куда меня проводить. Но я, не обращая внимания ни на него, ни на лакея, прошел через все комнаты в залу, так как все двери были открыты, прямо подошел к князю, поздоровался с ним и стал разговаривать. Я совершенно позабыл о Брунетти и Чекарелли; их не было видно, они спрятались за оркестр возле самой стены и не смели сделать ни шага».

Такой поступок непокорного раба, как и вообще его независимое положение, выводили из себя архиепископа, и он не пропускал случая досадить Моцарту. Раздражение обеих сторон росло с каждым днем, и наконец, следующее обстоятельство подало повод к окончательному разрыву. Архиепископ спешил отправить своих людей обратно в Зальцбург; это распоряжение расстраивало все планы Моцарта, собиравшегося пожить в Вене подольше, заручиться симпатиями публики и подготовить себе почву, при первой возможности навсегда избавиться от власти архиепископа: он искал себе учеников, намеревался дать концерт вопреки запрещению и, обеспеченный сбором, хотел остаться в Вене. Между тем архиепископ настаивал на скорейшем отъезде, при каждой встрече говорил

Моцарту в лицо грубости и дерзости, на которые тот по просьбе отца отвечал молчанием. Но вот однажды к нему входит посланный и передает приказание немедленно выехать. Моцарт, не успевший еще окончить всех своих расчетов, не мог исполнить такого нелепого требования, но собрал свои пожитки и переехал к знакомым, отложив отъезд до приведения в порядок своих дел. Когда же он явился к архиепископу, тот, дав полную свободу своей ярости, обрушился на Моцарта с самыми площадными ругательствами и выгнал его вон. Моцарт не отвечал, считая унижительным для достоинства человека возражать на подобные речи; он ушел, весь трепещущий от сдерживаемого негодования. Вечером он пошел развлечься в оперу, но вынужден был уйти после первого акта и лечь в постель: «Я весь горел, дрожал всем телом и шатался на улице, как пьяный». Весь следующий день он оставался дома и до обеда пролежал в постели.

Он подал прошение об отставке, но раболепные слуги, боясь гнева архиепископа, не докладывали ему. Моцарт написал вторично и опять остался без ответа. Наконец он к ужасу своему узнал, что архиепископ на другой день уезжает. Моцарт потребовал аудиенции, приготовив новое прошение, которое собирался передать собственноручно. Он долго дождался в передней, наконец к нему вместо архиепископа вышел заведующий кухнею, граф Арко, в страшной ярости осыпал его новыми ругательствами и *пинком ноги выбросил за дверь!* «Мне ничего не оставалось, как вырваться и бежать, так как я не хотел потерять уважения к княжеским комнатам», – пишет Моцарт. «Настоящее благородство – в сердце человека, и хоть я не граф, но в душе моей больше чести, чем у иного графа». Он чувствует к архиепископу глубокое презрение и даже не желает удовлетворения, убежденный в том, что архиепископ не способен его дать. Он бесповоротно решил остаться в Вене, и ни гнев архиепископа, ни угрозы и ни просьбы отца не могли заставить его переменить своего намерения. Он писал отцу: «Для вас, мой дорогой отец, я готов пожертвовать своим счастьем, своим здоровьем, своей жизнью, но не честью; для меня и для вас она должна быть выше всего. Милый, дорогой отец, требуйте от меня чего хотите, только не этого – при одном воспоминании я весь дрожу от ярости».

Он был прав: ему требовались для сочинений «свежая голова и спокойный дух». Жизнь же в Зальцбурге наполняла его унынием, а отношение к архиепископу поддерживало в нем постоянное раздражение, что было противно его светлой душе. Он почувствовал себя счастливым только тогда, когда сбросил с себя зальцбургские цепи, сковывавшие его гений.

Всякое действие, подобное поступку архиепископа и графа Арко, носит в самом себе зародыши того наказания, которым история карает своих преступников – вечного позора.

Великие люди, великие деятели являются представителями народного духа, выразителями эпохи; они – сама история. Им дана страшная сила двигать мир вперед, им дана бессознательная власть возвеличивать и унижать людей, так как уже одно соприкосновение с гением делает историческим самое незначительное имя. Друзья, понимавшие и лелеявшие гений, заслуживают глубокой признательности потомства; его враги – вечного проклятия. Архиепископ и граф Арко сами произнесли свой приговор и заняли то позорное место в истории, которое им подобает по заслугам!

Глава V. Жизнь в Вене

Вена. – Музыка при дворе. – Страк и Сальери. – Назначение придворным, композитором. – Гуммель. – Круг знакомых. – Папа Гайдн. – Кацелух. – Констанция Вебер. – Женитьба. – Любовь Моцарта к жене. – Болезнь ее. – Наружность жены. – Нищета. – Готовность Моцарта помогать. – Отношение семьи к жене. – Общительность Моцарта. – Его внешность.

С переселением в Вену начинается новая эра в жизни Моцарта: он окончательно освобождается от влияния отца, является вполне самостоятельным и вступает в период самый зрелый и самый богатый творчеством.

Вена как нельзя более подходила к его характеру и вкусам: в ее кипучей жизни театры чередовались с концертами; сами венцы, живые, веселые, были наиболее подходящим обществом для подвижного и полного жизни Моцарта. После Зальцбурга Вена казалась ему раем; он возлагал на нее самые блестящие надежды, которые (увы!) не осуществились во всю его жизнь. Моцарт не мог получить в Вене того значения и того положения, которых заслуживал силою своего таланта. Император Иосиф очень любил музыку, сам играл на виолончели и ежедневно после обеда устраивал у себя музыкальные собрания, на которые никто не допускался, кроме участвующих. Главными распорядителями и душою этих вечеров были: камердинер Страк, игравший на виолончели, и, имевший неограниченное влияние на своего государя, придворный музыкант и «кумир» Иосифа – Сальери. Моцарт мечтал получить место придворного композитора, но Страк и Сальери оцепили императора волшебным кругом, за черту которого никто не мог переступить, Моцарт – менее всех; как два цербера, охраняли они вход в свое святилище от вторжения опасного для них врага, так как понимали, что с появлением Моцарта владычеству их настанет конец. Они всеми силами старались поддерживать в Иосифе вкус к легкой итальянской музыке, чтобы он не разочаровался в них самих, и так ловко вели интригу, что не допустили Моцарта сделаться даже простым преподавателем принцев. Только под конец, когда, потеряв надежду приобрести подходящее для себя положение, Моцарт хотел оставить Вену, чтобы удержать его, ему дали место придворного композитора с окладом в восемьсот флоринов, хотя его предшественник Глюк получал две тысячи, и то это назначение существовало только по названию – и ни разу к нему не

обратились с серьезным заказом, так что Моцарт, принимая эти деньги как милость, говорил с горечью: «Слишком много для того, что я делаю; слишком мало для того, что я могу сделать». Тем не менее, когда прусский король Вильгельм, лучше оценивший его гений, предложил ему более выгодное место при своем дворе, Моцарт отказался, сказав: «Как я оставлю моего доброго императора?».

Итак, Моцарту приходилось зарабатывать свой хлеб менее всего любимой им педагогической деятельностью. С даровитыми учениками он занимался не только охотно, но вкладывал в занятия всю свою душу; одним из любимых его учеников был Гуммель, который, будучи ребенком, провел два года в доме Моцарта. Его гениальный учитель брал его всюду в концерты, выступал с ним вместе, вводил его во все знакомые дома, и впоследствии, когда Гуммель уже юношей давал концерты в Берлине и узнал, что в зале случайно находится Моцарт, он спрыгнул с эстрады, отыскал его в публике и бросился на шею своему любимому учителю.

Вскоре у Моцарта образовался большой и самый разнообразный круг знакомых: графиня Тун, князь Голицын, Ван Свитен и многие другие считались его лучшими друзьями, и двери их домов были ему гостеприимно открыты. К числу его хороших знакомых принадлежал Глюк, живший в то время в Вене, но особенно искренние и теплые отношения у него сложились со стариком Гайдном; он называл его «папа» и говорил ему «ты», что составляло в то время редкое явление, особенно при большой разнице лет обоих артистов. Моцарт относился к Гайдну с почтением и благоговением, как ученик к великому учителю, – обстоятельство тем более замечательное, что Гайдна в то время не признавали в Вене, и свою популярность и славу приобрел он только впоследствии, по возвращении из Лондона, когда его юный друг уже покоился в могиле. Моцарт посвятил Гайдну шесть больших квартетов, говоря, что у Гайдна он научился, как их писать.

О его отношении к Гайдну можно судить еще по следующему случаю: В Вене жил некто Кацелух, хороший пианист и дурной композитор. За неудачу своих произведений он питал ненависть ко всем, чьи вещи пользовались успехом, и всегда всех бранил. Однажды он сказал Моцарту про одно из произведений Гайдна: «Вот это мне не нравится, вот этого я бы так не сделал». «И я тоже, – возразил ему Моцарт спокойно, – но потому только, что ни вам, ни мне этого бы в голову не пришло». Этими словами Моцарт доказал свою преданность Гайдну и нажил себе непримиримого врага в Кацелухе. Гайдн же всегда и всем говорил про Моцарта, что считает его величайшим гением своего времени, и эти теплые и искренние

отношения сохранились у них до конца. Моцарт со слезами провожал Гайдна, когда он уезжал в Лондон, и не думал больше с ним увидеться; он не ошибся: это свидание было последним, но старик пережил своего молодого друга и оплакивал его преждевременную кончину.

В Вене Моцарт встретился со своими старыми мангеймскими знакомыми – Веберами. Его первая любовь – Алоизия, в то время уже г-жа Ланге, состояла примадонной придворного театра, а в семейной жизни не пользовалась счастьем. Старик Вебер уже умер, и вдова его с дочерьми переселилась тоже в Вену. В семье их Моцарт нанял комнату; вскоре между молодым артистом и средней дочерью, Констанцией, возникла симпатия, которая возрастала с каждым днем. Констанция окружила Моцарта нежной заботой и внесла в одинокую и трудовую жизнь луч женской теплоты и ласки. Когда же он, утомленный, возвращался домой, то у них поднималась веселая болтовня, хохот и всевозможные игры. Мать Констанции была женщина чрезвычайно тяжелого характера, имела склонность к спиртным напиткам и изливала все свое раздражение на нелюбимую дочь Констанцию. Несправедливость и нравственные мучения, которым подвергалась бедная девушка, еще более увеличивали привязанность к ней Моцарта, решившегося вырвать ее из тяжелой домашней обстановки и назвать своей женой. Но старик Леопольд, питавший мало доверия к семье Веберов, не давал своего согласия, да и старуха Вебер неизвестно по каким причинам тоже воспротивилась этому браку и отказала Моцарту от дома. Графиня Вальдштетен, его большой друг, принимавшая теплое участие в судьбе молодых людей, взяла Констанцию к себе погостить, чтобы дать молодым людям возможность видаться чаще и без стеснения. Старуха Вебер, узнав об их свиданиях, уже намеревалась вытребовать дочь через полицию, но младшая сестра, Софья, предупредила Моцарта, и он, чтобы спасти свою возлюбленную от скандала и оградить ее от произвола взбалмошной старухи, решил немедленно жениться, не дождавшись согласия отца, в 1782 году. В тот же вечер состоялась их скромная свадьба, после которой графиня Вальдштетен устроила им чисто царский ужин. Молодые плакали от счастья, и, глядя на них, плакали присутствующие. На другой день один из их друзей пошел поздравить молодых в их скромную квартирку. Служанки у них не было, двери он нашел все открытыми настежь, а самих новобрачных мирно спящими. Он их разбудил, и Констанция, надев свой подвенечный наряд, за неимением другого платья, отправилась в кухню готовить завтрак. Завтрак молодых состоял из одного кофе, которым они и угостили своего друга, зато веселью и смеху не было конца.

Моцарт обожал свою Констанцию, и во время ее частых болезней ни на минуту не отходил от нее: он ставил свой письменный стол к ее постели и работал; ее стоны во время родов нисколько ему не мешали; он подбегал к ней, целовал ее, успокаивал и затем возвращался к работе. В такой обстановке написал он шесть больших квартетов, посвященных Гайдну. Когда во время опасной болезни жены в комнате больной должна была соблюдаться безусловная тишина и Моцарт сидел возле постели, в комнату кто-то шумно вошел. Моцарт, вскочив, чтобы остановить вошедшего, повернулся так неловко, что перочинный нож по самую рукоятку вонзился ему в ногу. Моцарт, боявшийся крови и физической боли, даже не вскрикнул, но вышел в другую комнату, где ему сделали перевязку. Нога распухла и причиняла ему большие страдания, но в комнате жены он старался даже не хромать, чтобы она не заметила и не испугалась. Всякого, кто входил в комнату больной, он встречал возгласом «тш!», прикладывая палец к губам, и так привык к этому движению, что долгое время, встречаясь со знакомыми даже на улице, говорил «тш!» и поднимал палец. Врач предписал ему ради здоровья ранние прогулки верхом: уезжая в пять часов утра, он никогда не забывал оставлять на столе жены нежную записку с наставлениями, что она должна делать и как беречь себя в его отсутствие.

Такая глубокая привязанность, конечно, не могла не вызвать взаимности, и Констанция нежно любила своего мужа, хотя далеко не в такой степени, как была любима им. Она была женщина простая, добрая, и вот как сам Вольфганг описывает ее своему отцу: «Она не дурна, но и далеко не красива. Вся ее красота заключается в игре маленьких черных глазок и в прекрасном росте. У нее нет блестящего ума, но достаточно здравого смысла, чтобы быть хорошей женой и доброй матерью. Она не привыкла к роскоши – это правда, напротив того, привыкла быть дурно одетой, так как то немногое, что мать в состоянии сделать своим детям, она делает двум остальным сестрам, ей же – никогда. Правда, она любит одеваться чисто и мило, но не изысканно, и все, что требуется для женского туалета, она может себе сшить сама; она умеет вести хозяйство, у нее золотое сердце, я ее люблю и она меня любит всей душой, – скажите мне, могу ли я желать лучшей жены?»

Но беда-то и заключалась в том, что Констанция не умела вести хозяйство, и издержки превышали скудные доходы маленькой семьи, начинавшей впадать все в большую и большую нищету. Однажды друг, пришедший их навестить, застал Моцарта с женой в самом разгаре пляски посреди комнаты. На вопрос удивленного приятеля ему объяснили, что

дрова все вышли, купить не на что, им холодно и они танцуют, чтобы согреться. Конечно, друг выручил их из беды, приказав принести дров, но, к несчастью, не всегда можно было рассчитывать на помощь близких, и Моцарту приходилось не только изворачиваться, но и прибегать к услугам ростовщиков.

Жизнь великих людей возбуждает интерес и любопытство общества не только во внешних и крупных своих проявлениях, но и в мелких подробностях частного быта; в Вене всем, не исключая и императорской семьи, была известна как трогательная любовь молодых, так и стесненное положение, которое злые языки не замедлили приписать мотовству Моцарта. Действительно, он не умел копить деньги, это совершенно не согласовывалось с его широкой, великодушной натурой; но для мотовства он обладал слишком ограниченными средствами и слишком чистой и художественной душой. Нуждаясь сам, он первый приходил на помощь друзьям: всякий, даже враг его, мог рассчитывать на его поддержку. Он помогал советами, трудом, деньгами, а если их не было, отдавал свои золотые вещи, которых никогда не получал обратно. Его великодушием пользовались, его обманывали, он это знал, но это не могло остановить его от вторичной помощи обманувшему его человеку. Он выручал друзей своих из беды всегда и везде, где мог, и делал это просто и искренно, считая это долгом каждого христианина. Однажды Михаилу Гайдну, брату знаменитого Иосифа Гайдна, другу и сослуживцу Моцарта в Зальцбурге, были заказаны шесть дуэтов к известному сроку. Гайдн заболел и не мог вовремя исполнить заказ. Архиепископ со свойственным ему жестокосердием приказал прекратить выдачу жалованья Гайдну. В этом жалком положении застал его Моцарт как раз накануне срока. Ни слова не говоря, он вернулся домой и на другой день принес Гайдну шесть готовых дуэтов. «В другой раз Моцарт только что получил пятьдесят дукатов от императора. Про это проведал его знакомый, Антон Стадлер, и уверил его в своей крайней нужде, говоря, что он пропадет, если не получит этой суммы. Моцарт сам нуждался в деньгах и потому дал ему пару золотых часов для залога, попросив только принести ему квитанцию и вовремя заплатить проценты. Стадлер и не подумал этого сделать; Моцарт, боясь потерять часы, дал ему пятьдесят дукатов и проценты, которые Стадлер преспокойно оставил у себя вместе с часами».

Помимо денежных затруднений, семейное счастье Моцарта омрачалось холодными отношениями отца и сестры к его жене. Он все надеялся, что ближайшее знакомство их с его милой Констанцией произведет желанную перемену, внесет любовь и теплоту в их отношения.

С этой целью он возил жену в Зальцбург, но ошибся: неприязнь и предубеждение против всей семьи Веберов пустили слишком глубокие корни в сердце старого Моцарта, и он до конца дней своих оставался сдержанным и холодным, что глубоко огорчало его сына. Наоборот, мать Констанции, вначале тоже противившаяся браку, с каждым днем все более и более привязывалась к Моцарту, который своим мягким, ласковым нравом совершенно покорила суровое сердце тещи. Констанцию он редко пускал к матери, боясь неприятностей, но сам чуть не ежедневно забегал к ним в предместье, где они жили, всегда с пакетиком кофе, сахара или с другим гостинцем.

Моцарт любил общество, любил веселиться и проводить время в кругу хороших друзей за фортепиано, в веселой беседе за стаканом пунша. Страстный танцор, он с особенным искусством и грацией исполнял менуэт – модный тогда танец, посещал маскарады, устраивал у себя балы по подписке с кавалеров – вероятно, по обычаю того времени, а также по недостатку средств. «На прошлой неделе я давал бал в своей квартире, – пишет Моцарт отцу. – Само собой разумеется, кавалеры платили по два гульдена каждый. Танцы начались в шесть часов и окончились в семь. Как, только один час? Нет, нет! В семь часов утра».

Моцарт обращал большое внимание на свой внешний вид, и костюм его отличался изысканным изяществом. «Он был небольшого роста, но пропорционального сложения, с маленькими руками и ногами, вначале худой и только впоследствии несколько толще, – описывает его Ян. – Голова по отношению к туловищу казалась слишком большой. Почти всегда бледное лицо его было приятно, но не изобличало ничего необыкновенного». И только за фортепиано этот тщедушный человек становился великим: его маленькие руки, двигаясь по клавишам необыкновенно красиво и плавно, умели извлекать могучие потрясающие звуки; глаза, окаймленные длинными ресницами и прекрасными бровями, утрачивали в это время свое неопределенное и рассеянное выражение, взгляд становился сосредоточенным и глубоким, в нем зажигался огонь, озарявший все лицо вдохновением, и Моцарт становился царем инструмента и овладевал душою своих слушателей.

Глава VI. Музыкальная деятельность и творчество

Частные концерты и академии. – Импровизации Моцарта. – Плодовитость творчества. – Ничтожная плата за сочинения. – Своеобразный способ работы. – Быстрота творчества. – Скрипачка Стриназакки. – Увертюра к «Дон Жуану». – Характер музыки. – Старые приемы оперы. – Письмо Глюка. – Моцарт – создатель немецкой оперы. – Опера «Свадьба Фигаро». – Ее представление в Праге. – «Дон Жуан». – Анекдоты с певицей и трубачом. – Первое представление «Дон Жуана». – «Волшебная флейта». – Шиканедер. – Холодный прием «Волшебной флейты». – Подражание ей.

Концерты, частные и публичные, составляли главную статью скудных доходов Моцарта. Он был постоянным участником музыкальных собраний у графа Эстергази, барона Ван Свитена – его большого друга, у русского посланника князя Голицына, у графини Тун и в других богатых домах, где его ценили как музыканта и любили как человека. За эти собрания его хорошо вознаграждали, и повторялись они очень часто; случалось, что его фортепиано путешествовало ежедневно из дома в дом, так как в то время фортепиано имелось далеко не в каждом доме, и Моцарту приходилось возить свой инструмент за собой, как возят теперь скрипку, виолончель и т. п. Кроме этих частных собраний, в Вене существовали так называемые академии, род наших симфонических концертов. Они устраивались по подписке, то есть если находилось 150—200 посетителей, вносящих плату вперед, то назначалось несколько академий. Программы их составлялись настолько большие, что в наше время одного подобного концерта хватило бы на два-три вечера. Моцарт, принимая участие в чужих академиях, давал и свои собственные, в которых выступал в качестве дирижера, композитора и пианиста. Во время исполнения он требовал полного внимания от слушателей. «Ничто не выводило его так из себя, как движение, шум и болтовня во время музыки. Это возбуждало в кротком и веселом человеке величайшее раздражение, которое он явно выказывал. Известно, что однажды в середине игры он встал из-за фортепиано и покинул своих невнимательных слушателей».

Зачастую после утомительного концерта Моцарт по требованию публики снова садился за фортепиано и импровизировал. Он охотно

исполнял это, потому что импровизация была любимым родом его творчества, и кто раз его слышал, тот уносил на всю жизнь неизгладимое впечатление. Певица София Никлас рассказывает: «Однажды его попросили проимпровизировать. Он согласился охотно, как всегда, и сел за фортепиано. Двое из присутствующих музыкантов предложили ему две темы. Певица подошла к его стулу, чтобы следить за игрой. Моцарт, любивший с ней пошутить, взглянул на нее и спросил на своем добродушном австрийском наречии: „Ну что? У вас тоже есть темка на душе?“ Она ему пропела. Тогда он начал свою чудную импровизацию то на одну, то на другую тему и в заключение соединил все три вместе к великому удовольствию и изумлению слушателей.»

Случалось, что Моцарт, возвратившись домой после утомительного концерта, немедленно садился за рояль и продолжал свои импровизации до глубокой ночи. «В эти часы его творчество создавало свои божественные песни, – сообщает нам его биограф Нимчек. – В безмолвной тишине ночи его воображение разрасталось, возбуждаясь к самой кипучей деятельности, и расточало все богатство звуков, вложенное природой в его гений. Тут Моцарт весь превращался в чувство и созвучия, и из-под его пальцев вытекали чудные мелодии. *Только тот, кто слышал Моцарта в эти часы, мог познать всю глубину и величину его музыкального гения;* свободный и ничем не стесненный дух его смелым полетом возносился в самую высокую область искусства».

Плодовитость его творчества была изумительна: нет такого рода музыкальных произведений, в котором бы он не попробовал свои силы: он писал все, начиная с танцев и кончая симфониями и операми. Двух месяцев ему было достаточно, чтоб написать большую оперу, и несколько часов, чтобы написать увертюру к «Дон Жуану». Почти что к каждому концерту он писал что-нибудь новое.

Известно, что три его лучших симфонии написаны менее чем в два месяца: 26-го июня симфония Es-dur; 25 июля – симфония G-moll; симфония C-dur – 10 августа 1788 года, хотя год этот не отличался особой плодовитостью и принадлежал к одним из самых тяжелых в жизни Моцарта. Эти симфонии стоят в ряду самых выдающихся произведений этого рода по тому искусству, с которым они написаны, а также по богатству и глубине содержания. Написанные в такой короткий промежуток времени, эти симфонии совершенно не сходны между собой, но, напротив того, каждая из них имеет свой определенный, ярко очерченный характер. В первой из них (Es-dur) преобладает светлое настроение, и она представляет из себя, по выражению Ноля, «целое море

благозвучия». Вторая (G-moll), названная *Лебединой песней* (Schwanengesang), носит отпечаток мечтательности и страстности. Третья (C-dur), *Юпитер*, полна величественной красоты и кипучей жизни. Последняя часть ее изумительна по тому необычайному мастерству, с которым Моцарт, как бы шутя, сосредоточил самые сложные звуковые сочетания. Можно смело сказать, что одного года было бы достаточно, чтобы имя Моцарта стало бессмертным, так как в один год он успевал дать искусству больше, чем другой во всю свою жизнь. К сожалению, произведения, которые в наше время принесли бы ему миллионы, в то время не давали почти ничего: издателей не было, приходилось издавать все за свой счет или по подписке; большинство же своих вещей он писал для учеников, для своих концертов или, из любезности, для артистов. Как скудно оплачивались труды, можно судить по тому, что за такую оперу, как «Дон Жуан», он получил всего сто дукатов.

Известно, что Моцарт писал охотнее всего среди зелени, на даче или в саду. Часто случалось, что за недостатком времени или от избытка вдохновения он просиживал за работой целые ночи. Тогда он стучал в тонкую перегородку к своему соседу, большому любителю музыки и обладателю прекрасного винного погреба. Сосед знал, что значит этот стук в стену: «Моцарт работает, надо послать ему вина». Вино было необходимо для поддержания сил и бодрости во время ночной работы. Если сосед не присылал вина, то Констанция готовила ему его любимый пунш, что дало повод его врагам распространить ложный слух о его любви к крепким напиткам. Все знавшие его близко и друзья его отрицали это как клевету. Во время его работы Констанция садилась возле него и рассказывала ему веселые сказки; слушая их и смеясь от всей души, Моцарт продолжал сосредоточенно и безостановочно работать над своими бессмертными произведениями. Гений его творил непрерывно. Эта постоянная работа мысли отражалась во взгляде, который оставался задумчивым даже во время веселого разговора, шуток, игры в кегли или на бильярде, что Моцарт страстно любил. Часто во время игры он произносил «гм, гм», и друзья его знали, что звуки эти – предвестники великого произведения. За обедом он забывал о еде, комкал салфетку и устремлял неподвижный взор в пространство, прислушиваясь к мелодиям, звучащим в его голове. Поэтому жена всегда резала ему говядину из опасения, что в минуту вдохновенной рассеянности он вместо говядины отрежет свои пальцы. Совершая свой утренний туалет, он бегал взад и вперед по комнате, очевидно, сочинял, и часто, когда парикмахер трудился над его прической, он вскакивал и бросался к роялю, а бедный парикмахер с бантиком в руке

устремлялся за ним. Во время таких приступов вдохновения Моцарт сначала напевал тихо, потом все громче и громче, наконец, весь горел и не терпел, чтобы ему мешали. Ему было достаточно двух-трех нот, одного намека, чтобы вспомнить до мельчайших подробностей все то, что мимолетом создало его воображение; поэтому в гостях, в концертах и в путешествиях он никогда не расставался со своей записной книжкой. О необычайной быстроте его работы можно заключить из следующего факта: в Вену приехала знаменитая молодая скрипачка – Стриназакки. По примеру почти всех приезжих артистов она обратилась к Моцарту с просьбой написать арию для ее концерта. Моцарт обещал, но к ужасу артистки в вечер накануне концерта ария не была начата. Моцарт, успокоив ее, сел за работу, и вскоре ария была готова. Утром Стриназакки ее разучила одна, а вечером в концерте сыграла ее с громадным успехом. Моцарт сам исполнил партию фортепиано – по нотам. Но императору, смотревшему в бинокль, показалось, что на пюпитре перед Моцартом лежит лист чистой нотной бумаги. Он призвал его в ложу и приказал показать ему новую арию. Моцарт принес лист совершенно девственной чистоты: всю свою партию он симпровизировал. «Как ты смел!» – воскликнул император в негодовании. «Но ведь все ноты были!» – возразил Моцарт. Рассказывают, что накануне первого представления «Дон Жуана» увертюра еще не была написана, а Моцарт беззаботно проводил вечер среди друзей. Наконец его почти силой засадили за работу; он писал всю ночь при помощи вина и сказок жены, так как каждую минуту готов был заснуть; в семь часов утра увертюра была сдана переписчику и вечером сыграна с листа с большим блеском. Эта необычайная быстрота творчества объясняется тем, что вся подготовительная черная работа совершалась у него в голове, и он записывал уже готовое; случалось даже так, что, записывая одно, он в то же самое время сочинял другое. Он никогда не сочинял за роялем, а, по выражению жены, писал ноты, «как письма».

Музыка Моцарта изящна, благородна, грациозна. «Моцарт бесконечный мелодист; все у него поет, темы его сонат – настоящие арии. Он мелодист приятный, благозвучный; он поет лирически, не страдая за человечество. Мелодичность Моцарта не только красива, но в ней проявляются различные настроения». Этот человек испытал так много страданий, что отклик их должен бы был звучать в его музыке, между тем она полна света, мира и душевной ясности, «как будто земные страдания пробуждали только одни божественные стороны этого человека; а если по временам и проносится тень скорби, то за ней виден душевный мир, истекающий из полной покорности Провидению». В его музыке редко

слышатся страсти, но она проникнута чувством, глубокой поэзией, полна жизнерадостности и веселья. В ней нет сентиментальности, но в каждой ноте сияет любовь и красота. В ней, пожалуй, отразилась несколько «манерность» того времени: «Это было время утонченности и чопорности во всем: в обращении, в разговоре, в костюме. Мужчины носили напудренный парик с косичкой сзади, кружевное жабо, кружевные манжеты, шитый фрак, чулки, башмаки; дамы носили прическу вроде башни, ходили в фижмах, в которых нельзя было повернуться. Танцы были медленные, с глубокими поклонами или подпрыгиванием». Но манерность эта – только во внешней форме его музыки, в тонкой отделке, в поэтической грации. В музыке его нет ничего грубого, пошлого; душа его какою была в жизни, такую же вылилась и в его творениях; «за что ни брался Моцарт, из всего у него выходили жемчужины».

Любимой формой сочинения Моцарта, более всего удовлетворявшей потребностям его духа, была опера; и она всецело обязана ему своим развитием и тем драматизмом, который впервые у него выступил в музыке наравне с действием и со словами. До него в опере, как и во всей музыке, царила итальянская школа, основанная на ложных началах. Ее главная цель была виртуозность и внешние эффекты; на содержание, на соответствие слов с музыкальной фразой не обращалось внимания. Свободный полет фантазии был стеснен нелепыми правилами, созданными рутиной, но не вытекавшими из внутренней потребности, что иногда мешало достижению надлежащей силы и красоты выражения. Притом допускались такие антихудожественные приемы, как остановка среди фразы с целью дать возможность певцу выдержать удобную для пения гласную или показать в длинном пассаже подвижность своего голоса. Иногда действие прерывалось в ожидании скучной ритурнели (припева) или же чтобы дать певцу время запастись воздухом для длинной ферматы (выдержанной ноты).

Глюк первый понял всю ложность такого направления и старался избавить оперу «от всех злоупотреблений, вкравшихся в нее вследствие суетности певцов и слишком большой уступчивости композиторов». Он стал стремиться к «благородной простоте; избегал щеголять трудностями на счет ясности; ценил находку новизны только в том случае, если она естественно вытекает из ситуации и выражения, и никогда не смущался пожертвовать правилами ради эффекта» (письмо Глюка).

Таковы были новые принципы Глюка, о которых он сам пишет к герцогу Тосканскому и которыми он поколебал рутину итальянских приемов. Но эти принципы особенно сильно выразились в произведениях

Моцарта, который является не только реформатором итальянской, но создателем немецкой оперы, или, лучше сказать, того типа музыкальной драмы, который господствовал вплоть до наших дней, видоизменяясь согласно времени с его требованиями и нововведениями. Моцарт преобразовал оркестр и первый применил его в том полном составе, в каком употребляется он до сих пор. Моцарт был предтечей Бетховена не только по времени, но и по тому, что он своими преобразованиями внешних форм и внутреннего содержания разработал ему материал, изгнал из музыки все рутинное и пошлое и, приучив вкус и слух публики к новизне сочетаний и приемов, приготовил ее к восприятию тех божественных красот, которыми обогатил музыку гений Бетховена и которые до сих пор остаются величайшими и несравненными образцами произведения человеческого духа.

Младенческие оперы Моцарта написаны всецело под влиянием итальянских композиторов, но уже в «*La finta giardiniera*» его гений начал проявлять свою самобытность, а в последних сочинениях все ярче и ярче выступало направление, возродившее оперу к новой жизни. Лучшие его оперы, в которых его гений достиг полного расцвета и проявился в полном блеске и силе, это – «Свадьба Фигаро», «Волшебная Флейта» и «Дон Жуан». Все три оперы были написаны им в Вене; Моцарт сам выбрал сюжет «Свадьбы Фигаро» из комедии того же названия Бомарше, а известный в то время либреттист да Понте передал слова для оперы. Постановка оперы встретила немало препятствий: во-первых, император запретил представление пьесы Бомарше на сцене Национального театра; когда же он, ознакомившись с изменениями и сокращениями либретто, разрешил оперу, то против нее вооружились все завистливые и недоброжелательные музыканты с итальянцами во главе. Чтобы положить конец всем интригам, император приказал немедленно поставить «Фигаро». О первом представлении его существует два совершенно различных рассказа: одни передают, что певцы и музыканты так дурно исполняли свои партии, что Моцарт в отчаянии вбежал в ложу к императору, прося его защиты; другие рассказывают, что первое представление было блестящим и представляло настоящий триумф: театр был переполнен, почти все номера повторялись два-три раза, так что опера продолжалась вдвое дольше. Последнему рассказу можно скорее верить, так как он подтверждается письмом Леопольда Моцарта, приехавшего в Вену на это представление, и еще тем курьезным фактом, что вслед за первым представлением «Фигаро» вышло запрещение требовать повторения номеров. Конечно, о таком запрещении позаботились враги

Моцарта, употреблявшие все усилия, чтобы помешать успеху его произведений. Одно время «Фигаро» затмил успех оперы «Cosa rara» Мартини, и в продолжение двух лет после того представления «Фигаро» не давались, возобновившись только в 1789 году.

За все неудачи и неприятности в Вене Моцарта вознаградила Прага. Музыкальная публика в Праге была гораздо развитее венской, обладала более тонким и художественным вкусом, и Моцарт среди нее нашел себе надлежащую оценку. Немедленно после постановки «Фигаро» в Вене антрепренер пражской Оперы Бондини поставил ее у себя; опера привела слушателей и исполнителей в необычайный восторг: певцы и оркестр послали Моцарту приглашение приехать в Прагу и приложили к письму сочиненное в честь него стихотворение. Конечно, Моцарт не замедлил воспользоваться приглашением и вместе с женой отправился в Прагу. Их поместил у себя граф Тун и в тот же день устроил в своем доме концерт, после которого Моцарта повезли на бал, где собрался весь цвет пражской молодежи и все танцы состояли из мотивов «Фигаро». Вообще, в то время в Праге «говорили только о „Фигаро“, слушали только „Фигаро“ и вечно все „Фигаро“, – как пишет сам Моцарт. Нечего и говорить о том, как публика и артисты отнеслись к Моцарту; достаточно сказать, что он послал письменную благодарность дирижеру оркестра, Стробаху – так доволен он был сам исполнением своей оперы. Тут же, среди своих друзей, он сказал, что с удовольствием написал бы оперу для публики, которая так хорошо его понимает, как здесь; Бондини поймал его на слове и заключил с ним контракт, по которому Моцарт обязывался представить новую оперу к началу будущего сезона, за сто дукатов. Эта опера называлась „Дон Жуан“. В Праге Моцарт дал два концерта с громадным успехом и возвратился в Вену, обогащенный тысячей флоринов. Текст к „Дон Жуану“ Моцарт поручил тому же да Понте, и в сентябре 1787 года снова отправился в Прагу заканчивать оперу на месте ее первого представления. Импресарио приготовил Моцарту помещение в гостинице „Трех львов“, но Моцарт проводил большую часть времени в виноградном саду своего друга Дуссека, где и писал за каменным столом среди зелени, окруженный друзьями, с которыми болтал и играл в кегли, что нисколько не мешало его творчеству.

Про репетиции „Дон Жуана“ рассказывают следующие анекдоты: одна певица никак не могла вскрикнуть достаточно естественно и сильно. После многих тщетных повторений Моцарт пошел на сцену, подкрался к ней сзади, неожиданно и довольно грубо схватил ее за руку – она вскрикнула, как нельзя лучше. „Вот так хорошо, – засмеялся Моцарт, – вот так и надо

кричать“. У одного трубача тоже никак не выходило одно трудное место, и Моцарт направился к нему, чтобы объяснить, как этот пассаж должен звучать. Трубач обиделся: „Того, что вы хотите, нельзя сделать, и не вам меня учить играть на трубе“. „Боже меня избави от этого, – воскликнул Моцарт, – дайте мне ноты, я их исправлю“. И он изменил это трудное место. О том, как он написал увертюру накануне представления, уже сказано: увертюру исполнили с листа, и „хотя много нот попадало под пюпитры“, по выражению самого Моцарта, но вся опера прошла с блестящим успехом. Надо заметить, что оркестр состоял из далеко не первоклассных артистов, но, воодушевленные гениальной музыкой и присутствием автора, они доказали, что при добром желании даже с небольшими силами можно достигнуть многого. Настроение и прием публики были самые торжественные; тотчас после представления импресарио послал да Понте восторженное письмо, начинавшееся так: „Да здравствует да Понте! Да здравствует Моцарт! Все импресарио и все исполнители должны вас благословлять!“

В Вене „Дон Жуан“ был поставлен в первый раз только год спустя и не имел никакого успеха. Моцарт настолько знал вкусы венцев, что и не ожидал никакого успеха. Он говорил: „Дон Жуан“ написан не для Вены, а для Праги, еще больше для меня самого и для моих друзей». Теперь к этим друзьям мог бы быть причислен уже весь музыкальный мир. В оправдание венцев можно сказать только то, что в течение первого года «Дон Жуан» давался неоднократно и с каждым разом успех его возрастал. Вскоре после «Дон Жуана», считающегося лучшей оперой Моцарта, он написал «Cosi fan tutte» по заказу императора и на слова да Понте. Опера имела успех, но по достоинствам она уступает своим предшественницам и продержалась на сцене очень недолго.

«Волшебная Флейта» обязана своим возникновением следующему случаю: в Вене жил один антрепренер Шиканедер, незаслуженно пользовавшийся дружбой Моцарта, что, к сожалению, случалось довольно часто. Антрепренер этот прогорел, и ему приходилось плохо. Он обратился за помощью к Моцарту, прося написать ему оперу с чудесными превращениями, чтобы заинтересовать публику и привлечь толпу в театр. Текст составил сам Шиканедер, и Моцарт, увлеченный великодушием, а также фантастическим сюжетом, написал музыку безвозмездно, прося только вернуть ему партитуру, которая могла бы послужить ему источником большого дохода. Шиканедер благодаря «Волшебной Флейте» поправил свои дела и не только ничего не заплатил автору за его труды, но без его ведома перепродал партитуру. Моцарт назвал его *подлецом*, но на

другой же день позвал его к себе обедать. «Волшебная Флейта» была дана в первый раз 30 сентября 1791 года. Вопреки ожиданиям успех ее в первом действии был небольшой. Моцарт, бледный и взволнованный, побежал на сцену к Шиканедеру, который всячески старался его успокоить. С каждым актом успех оперы возрастал, и под конец публика стала усиленно вызывать автора. Но Моцарт, оскорбленный холодным приемом вначале, спрятался в самый дальний угол сцены; его насилу разыскали и с трудом убедили выйти к публике. Некто Шнек, сидевший во время первого представления в оркестре, пришел в такой восторг, что со своего стула дополз до дирижерского места, схватил руку Моцарта и поцеловал ее. Моцарт ласково поглядел на него и, продолжая дирижировать правой рукой, левой погладил его по щеке. Вскоре «Волшебная Флейта» облетела всю Германию и стала одной из любимейших опер. Небывалый успех ее вызвал массу подражаний, и повсюду стали давать: «Волшебное кольцо», «Волшебную стрелу», «Волшебное зеркало» и т. д. Все эти оперы, однако, доказали авторам и публике, что одного волшебного названия мало для верного успеха. В продолжение одного октября «Волшебная Флейта» давалась двадцать четыре раза; в ноябре 1792 года, то есть через год, объявлено было сотое представление, а в 1795 году – двухсотое! К сожалению, ее гениальный автор был тогда уже давно в могиле!

Глава VII. Последнее путешествие, – «Реквием» и смерть

Положение Моцарта в Вене. – Поездка в Берлин. – Предложение Фридриха Вильгельма. – Леопольд II. – Опера «Милосердие Тита». – Последняя поездка в Прагу. – Начало болезни. – Таинственный заказ «Реквиема». – Граф фон Штуппах. – Действие «Реквиема» на Моцарта. – Мрачные предчувствия. – Болезнь и страдания. – Ученик Зюсмейер. – Назначение Моцарта капельмейстером при церкви св. Стефана. – Последний день его жизни. – Смерть. – Торжественная служба в Праге. – Похороны. – Краткий перечень его сочинений.

Положение Моцарта в Вене продолжало быть тягостным. Венцы не умели достаточно его ценить, не понимали его музыки, которая рядом с итальянской казалась им слишком тяжеловесной и поражала их слух непривычными сочетаниями и приемами. При дворе он тоже не нашел должной оценки благодаря проискам Сальери и других музыкантов. Во всех торжественных придворных концертах, в которых участвовали лучшие силы, Моцарт отсутствовал: его намеренно забывали, оставляли в стороне. Во время празднеств по случаю бракосочетания эрцгерцога Франца с принцессой Елизаветой была поставлена опера Сальери «Аксур», а «Дон Жуан» вследствие этого отложен чуть не на целый год.

Моцарту как придворному композитору только поручали писать танцы для придворных балов!

Между тем жена его продолжала часто хворать; ее болезнь требовала тщательного ухода, долгого пребывания на водах; семья увеличивалась, а средства уменьшались, и в будущем не предвиделось никакого улучшения положения. Моцарт падал духом, переставал работать, и в письмах его к друзьям прорываются восклицания: «Какой я несчастный!»

В надежде поправить свои средства он предпринял небольшое артистическое путешествие. В Дрездене он играл при дворе курфюрста и получил сто дукатов; в Лейпциге дал концерт, блестящий по успеху, но скудный по сбору, отчасти благодаря тому, что сам Моцарт направо и налево раздавал даровые билеты. Про этот концерт рассказывают, что на репетиции Моцарт взял слишком скорый темп. Музыканты отстали; он начал снова – еще скорее, и так четыре раза, пока музыканты не рассердились и не заиграли с должным огнем. Затем Моцарт объяснил

друзьям, что сделал это нарочно, так как видел, что все эти почтенные музыканты уже в преклонных годах, и нужно было их раздосадовать для того, чтобы они сыграли с огнем и блеском.

В Берлин он приехал как раз в день представления своей оперы «Констанция и Бельмонт, или Похищение из Сераля», написанной в то время, когда он был женихом. Он пошел в театр и сел возле оркестра. Внимание зрителей невольно было привлечено этим маленьким незнакомцем, все время делавшим довольно громкие замечания об исполнении. Когда же вторые скрипки вместо d взяли dis, то этот странный человек закричал на весь театр: «Черт возьми! Берите d!» Тогда только его узнали. В театре произошел переполох, и примадонна, г-жа Баранус, отказалась петь перед великим маэстро. Он должен был пойти на сцену, успокоить ее и обещать, что сам разучит с нею партию.

Моцарт бы представлен Фридриху Вильгельму II, который не только принял его любезно, но предложил остаться в Берлине в качестве придворного капельмейстера с окладом в три тысячи талеров; как уже сказано, Моцарт отказался от этого выгодного места из чувства деликатности по отношению к императору Иосифу. В знак признательности Моцарт написал и посвятил Фридриху Вильгельму квартет D-dur.

Путешествие не увеличило средств Моцарта: то небольшое, что ему удалось получить, он частью оставил в дороге, частью раздал друзьям; поэтому, собираясь в обратный путь, он советовал жене радоваться его возвращению больше, чем деньгам. Моцарт предпринимал еще путешествие в Мюнхен и Мангейм, но оно, как и первое, не дало ему материальных выгод.

Вскоре после того умер император Иосиф, и ему наследовал сын его Леопольд II. После смерти Иосифа в составе придворной капеллы произошли некоторые перемены, но они ничем не отразились на печальном положении Моцарта: он по-прежнему оставался в стороне, забытый теми, кто больше всего должен был бы ценить его гений. Только друзья его – пражцы, верные своей симпатии, поручили Моцарту написать оперу в честь коронавания Леопольда II королем Богемским. Для текста были взяты слова Метастазियो, знаменитого в свое время либреттиста, и опера называлась «Милосердие Тита». Моцарт в то время уже работал над «Волшебной Флейтой», но не мог отказаться от такого лестного заказа и исполнил его с необычайной быстротой, свидетельствовавшей о высокой степени напряженности и возбуждения, в которой он находился вследствие своего тяжелого положения. В восемнадцать дней вся опера была не только

окончена, но уже разучена! Однако на этот раз пражцы, отвлеченные мыслями о празднествах, отнеслись менее тепло к своему любимцу.

Нужда, заботы, неудовлетворенность положением начинали пагубно отражаться на настроении и здоровье Моцарта, и в Прагу он поехал уже полубольной. В театре он чувствовал себя дурно, постоянно принимал лекарство; холодный прием подействовал на него тем более угнетающе, что именно от Праги он ждал сочувствия и поддержки. Прощаясь с друзьями, он не мог удержаться от слез, как будто чувствовал, что это прощание – последнее. По возвращении в Вену он снова принялся за «Волшебную Флейту»; часто во время работы ему делалось дурно, он лежал в продолжительных обмороках, но, оправившись, принимался за сочинение с удвоенным рвением; и трудно себе представить, сколько мог создать этот больной и расстроенный человек в последний и самый тяжелый год своей жизни, как будто спешил дать искусству сразу все то, что могла бы отнять у него преждевременная смерть.

В то время как Моцарт был всецело погружен в «Волшебную Флейту», к нему пришел какой-то странный незнакомец – высокий, худой, в сером плаще, с серьезным лицом, и передал ему анонимное письмо, автор которого в самых лестных выражениях просит его написать «Реквием». Моцарт принял заказ, назначив за него пятьдесят дукатов. Незнакомец снова явился, выплатил все деньги сполна вперед, обещав по окончании заказа увеличить вознаграждение за то, что автор был скромн в своих требованиях; при этом он заявил, чтобы Моцарт никогда не пытался узнать имя заказчика, ибо это ему не удастся. Эта таинственность и странная внешность незнакомца произвели удручающее впечатление на расстроенное воображение Моцарта: он принял его за существо сверхъестественное, и с тех пор его не покидала мысль о скорой смерти; он принялся за сочинение «Реквиема» со всей страстностью измученной души, приготовляющей себя к смерти, так как был уверен, что пишет этот реквием для себя.

Эта таинственная история, так печально подействовавшая на Моцарта и долгое время смущавшая всех своей загадочностью, теперь разъясняется совершенно просто. Возле Вены в своем имении жил граф Франц Вальзек фон Штуппах; он любил музыку, сам играл на виолончели, хотя плохо, и устраивал у себя музыкальные собрания. Граф страстно желал прослыть за композитора, но роковая прихоть судьбы лишила его таланта. Тем не менее, чтобы исполнить заветную свою мечту, он заказывал разным композиторам квартеты и другие сочинения и затем, тщательно переписав, выдавал их за свои. В его столе нашли написанную его рукой симфонию, в которой

узнали творение Моцарта. У графа умерла жена; он хотел почтить память покойной торжественным реквиемом, который заказал Моцарту при посредстве своего управляющего Лейтгеба – той самой таинственной личности, что вручила Моцарту письмо. Таинственность заказа ему была необходима для того, чтобы иметь возможность выдать реквием за свое сочинение, что ему вполне и удалось: сначала в доме его хорошего знакомого, а затем во время торжественной службы по покойной в монастыре местечка Нейштат, недалеко от имения графа, реквием был исполнен как произведение графа, как гениальная дань его скорби по жене.

Между тем Моцарт под влиянием мысли о роковом для него значении реквиема все слабел и слабел. Недомогание, впервые обнаружившееся в Праге, все усиливалось: веселый и беспечный Моцарт стал мрачным, его преследовала мысль, что его отравили, тем не менее он продолжал работать даже ночью. Жена, с постепенно возрастающим ужасом следившая за развитием непонятного ей недуга, всячески старалась развлечь Моцарта, собирала вокруг него друзей, возила его за город, надеясь на благотворное влияние природы, и вот однажды, во время прогулки, он решился сообщить ей то, что таким гнетом лежало на его душе.

Со слезами на глазах он ей сказал: «Я знаю, что пишу реквием для себя. Я чувствую себя слишком плохо, и долго не протяну. Наверное, мне дали яд – я не могу отделаться от этой мысли». Испуганная Констанция прибегла к энергической мере: она немедленно отняла у него партитуру и тем самым принудила его отдохнуть. Во время этого насильственного отдыха Моцарт написал кантату для масонской ложи, членом которой он состоял. Блестящий успех кантаты, исполненной под личным управлением автора, благотворно отразился на угнетенном состоянии его духа. Он объявил жене, что чувствует себя лучше, что отравление – не более чем плод его расстроенного воображения, и просил вернуть ему ноты. Успокоенная жена, поверив его словам, исполнила его желание, но только что он принялся за реквием, как впал в прежнее уныние, заговорил снова об отравлении и наконец слег в постель. Руки и ноги у него распухли и он не мог сделать почти ни одного движения, после явилась внезапная рвота. Две недели пролежал он больной, с необыкновенным терпением и кротостью перенося свои страдания: ни единой жалобы не вырвалось у него, напротив того, он старался быть приветливым, веселым и с неудовольствием позволил перенести в другую комнату свою любимую канарейку, пение которой ему мешало. Часто вечером он переносился мысленно в театр и, глядя на часы, говорил: «Вот теперь поет Царица Ночи!» За день до смерти он сказал жене: «А я бы хотел еще раз послушать

ее!» И стал напевать чуть слышным голосом арию Папагено.

Реквием продолжал его занимать: накануне смерти он попросил друзей своих спеть с ним реквием и сам пел партию альты, но при первых же нотах заплакал от мысли, что реквием не будет окончен. «Разве я не говорил, что пишу его для себя?» В самый день смерти он подозвал к себе своего друга и ученика Зюсмейера, долго беседовал с ним, объясняя ему свои планы насчет окончания реквиема. На долю этого счастливого ученика выпала великая честь докончить бессмертное произведение гениального учителя. Незадолго до смерти Моцарту принесли заявление о назначении ему тысячи флоринов ежегодно по подписке от венгерского дворянства; другое заявление из Амстердама о назначении ему еще большей суммы за несколько музыкальных произведений в год. Мало того, ему принесли назначение его капельмейстером в церковь св. Стефана; эта должность давала помимо большого содержания и большие доходы.

Теперь, когда было поздно, когда нужда и неудачи завершили свое роковое дело, перед Моцартом открывалась обеспеченная блестящая будущность, которой он не мог воспользоваться. Он просил передать назначение при церкви св. Стефана Альбрехтебергеру, впоследствии учителю Бетховена, говоря, что «ему перед Богом и людьми принадлежит это место!»

Моцарта ежедневно навещала сестра жены, София Гайбль, и когда однажды она вошла к нему, он встретил ее словами: «Слава Богу, что вы пришли; эту ночь останетесь здесь, вы должны видеть, как я умру». Софья Гайбль старалась успокоить и разуверить его, но он отвечал ей: «Я чувствую запах смерти на языке; и кто же поддержит мою милую Констанцию, если вы уйдете». Вечером послали за врачом, которого после долгих поисков нашли в театре и насилу уговорили прийти к больному до конца представления. Врач объявил Моцарта безнадежным и велел приложить к его пылающей голове холодный компресс, который так потряс умирающего, что он впал в бессознательное состояние и не приходил больше в себя. В бреду он все говорил о реквиеме, надувал губы, воображая, вероятно, что играет на трубе. Около полуночи он приподнялся на постели, глаза его открылись, затем он повернулся к стене и как будто задремал.

Умиравший Моцарт и его сестра Наннерль

Он скончался в час ночи 5-го декабря 1791 года. Его тело выставили в рабочем кабинете, и на другой день толпы народа приходили поклониться праху великого музыканта. После смерти его вдова осталась без всяких средств к существованию с двумя малолетними сыновьями. Денег в доме оказалось всего тридцать шесть рублей. Имущество оценили в двести пятьдесят рублей; долгу в аптеку числилось сто пятьдесят рублей, а в общей сложности их долги равнялись тысяче восьмистам рублям. В пенсии Констанции отказали, но посоветовали ей устроить концерт, на который император пожертвовал настолько большую сумму, что ее хватило на уплату долгов. Печальная весть о кончине Моцарта быстро разнеслась повсюду. В Праге, в церкви св. Николая, состоялась торжественная служба, на которой присутствовало несколько тысяч человек. Всю церковь убрали трауром, посреди нее возвышался катафалк, залитый огнями и окруженный учениками гимназий; более ста двадцати музыкантов исполняли реквием Реслера. Так пражцы почтили память своего любимца. В Вене же происходило совершенно обратное: хлопоты о похоронах взял на себя друг Моцарта Ван Свитен, но странно, что ни ему, ни кому из друзей Моцарта не пришла мысль взять на себя расходы по похоронам и обставить их прилично; теперь же, при скудных средствах Констанции, похороны были назначены самые бедные, третьего разряда^[3], что стоило пять рублей; за похоронную колесницу заплатили два рубля. Отпевание тела Моцарта происходило 6 декабря в три часа дня в часовне при церкви св. Стефана; погода была дурная, шел снег и дождь, и немногие друзья: Ван Свитен, Дейнер, Зюсмейер и другие, шедшие за гробом под зонтиками, – разбрелись домой, убитая горем Констанция чуть не заболела, и ее отправили на некоторое время к знакомым; таким образом, *никто не проводил праха Моцарта на кладбище и никто не присутствовал при его*

погребении; мало того, за недостатком средств не могли купить отдельного места для могилы, и тело Моцарта опущено было в общую яму, куда зарывались 10—15 гробов сразу, и которая возобновлялась каждые десять дней. Над ним даже не позаботились поставить крест, так как жена его предполагала, что крест будет поставлен от церкви; и когда Констанция, оправившись от потрясения, поспешила на кладбище, то она нашла там нового сторожа, не сумевшего показать ей место, где похоронен ее муж. Хотя впоследствии и воздвигли памятник там, где, по догадкам, предполагалась могила Моцарта, но до сих пор наверняка неизвестно место его последнего упокоения!

Вся жизнь этого великого музыканта и особенно его смерть дают яркую характеристику отношения людей к своим гениальным современникам. Отказывая им в должной оценке и уважении при жизни, современники сами себе воздвигают вечный памятник бесславия. Гении же, подобные Моцарту, не имеют надобности в том, чтобы люди напоминали о них ничтожными сооружениями из камня и металла; они сами себе воздвигают нерукотворные вечные памятники, и человечество не могло бы соорудить им более драгоценного, даже если бы вылило его из чистого золота.

По желанию многих коронованных особ и некоторых из богатых почитателей имени Моцарта, фирмой «Брейткопф и Гертель» в Лейпциге начато было собрание всех сочинений, когда-либо им писанных, на что потребовалось более 7 лет. Теперь это большое предприятие окончено, и вот краткое извлечение из каталога, в котором одно перечисление названий занимает 16 страниц.

Музыка для пения: 15 месс, 7 литаний и вечерен, 31 маленькая духовная пьеса с оркестром, 3 кантаты, 2 оратории, 21 опера, 47 арий, дуэтов, терцетов и квартетов с оркестром, 40 различных романсов с фортепиано, 20 канонов.

Пьесы для оркестра: 41 симфония, 52 разные пьесы для оркестра, 24 сборника танцев, 20 концертов для различных инструментов с оркестром.

Музыка камерная: 9 квинтетов, 30 квартетов, 4 дуэта и трио,

Для фортепиано: 28 концертов, 11 квартетов, квинтетов и трио, 45 сонат для фортепиано и скрипки, 8 сонат в четыре руки, 21 соната и фантазия для фортепиано, 15 вариаций для фортепиано, 15 сонат для органа с другими инструментами, 53 неоконченные большие вещи, в том числе «Реквием».

Всего 580.

Вот тот незыблемый грандиозный храм, который воздвиг над своей

могилой гениальный строитель.

«К нему не зарастет народная тропа» до тех пор, пока на земле не замрет последний звук музыки.

В заключение считаю не лишним сообщить некоторые сведения о ближайших родных Моцарта. Отец его окончил свою полезную, деятельную жизнь шестидесяти семи лет. Он и в старости обладал хорошим здоровьем, и лишь за месяц до кончины чувствовал недомогание, от которого, впрочем, оправился. Смерть постигла его неожиданно 28 мая 1787 года, всего за несколько лет до преждевременной кончины его гениального сына.

Сестра Моцарта, Наннерль, подруга его младенческих лет и товарищ первых триумфов, всю жизнь провела в Зальцбурге, занимаясь преподаванием музыки, и уже немолодой, в 1784 году, вышла замуж за Бертольда Зонненбурга.

Вдова Моцарта еще долгие годы терпела нужду, но в 1809 году вышла вторично замуж за старого и преданного друга их дома, Ниссена, который обеспечил ее, усыновил двоих детей Моцарта, дал им образование и вместе с женой, собрав богатый биографический материал, заключавшийся в семейной переписке Моцартов, написал первую биографию своего покойного гениального друга.

Старший сын Моцарта, Карл, почти всю жизнь прожил в Италии и даже плохо говорил по-немецки; он был мелким чиновником государственного контроля. Обращение его отличалось необыкновенной простотой и скромностью. Младший сын, родившийся всего за полгода до смерти отца, посвятил себя музыке; но хотя он и назывался Вольфганг Амадей, однако с именем его отца на него не перешел его гений. Старший сын не был женат, младший тоже умер бездетным, и с ними прекратился род Моцартов.

Источники

1. «Новая биография Моцарта». А. Д. Улыбышева. (Перевод М. Чайковского с примечаниями г. Лароша. Изд. Юргенсона).
2. «Моцарт» Людвига Ноля.
3. «В. А. Моцарт» Отто Яна.
4. «История литературы фортепианной музыки». Курс А. Г. Рубинштейна. 1888—1889. Составитель Ц. Кюи.
5. «История музыки» Саккетти.
6. Каталог произведений Моцарта: «Mozart's Werke». Издание Брейткопфа и Гертеля в Лейпциге.

---

notes

Примечания

1

Моцарт называл эту скрипку Buttergeige – масляная скрипка – за ее нежный тон

50-й псалом Давида, переложенный на музыку для хора

За границей похоронами заведует церковь (Kirchengemeinde). Похороны разделяют на несколько разрядов с соответственной таксой. В Вене 3-й разряд предназначался для беднейших жителей